

Annotation

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны "Философские повести Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтескье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых "философия заговорила общепонятным и шутливым языком".

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера.

- [Вольтер](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [notes](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)

- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вольтер
Царевна Вавилонская

Старый Бел ^[1], владыка Вавилона, почитал себя избранником среди смертных, ибо все его царедворцы повторяли ему это, а историографы подкрепляли их слова доводами. Оправданием его тщеславия служило то, что предки его действительно основали Вавилон тридцать тысяч лет назад, а он сам много способствовал украшению города. Известно, что его дворец и парк, расположенные в нескольких парасангах от Вавилона, простирались между реками Евфратом и Тигром, которые омывали эти дивные берега. Обширный дворец, в три тысячи шагов вдоль фасада, возносился до облаков. Плоская крыша была обнесена белой мраморной балюстрадой высотой в пятьдесят футов и уставлена гигантскими изваяниями всех царей и всех великих мужей государства. Эта плоская крыша из двойного ряда кирпичей, крытая из конца в конец плотным свинцовым настилом, была засыпана слоем земли толщиной в двенадцать футов. Там зеленели целые заросли оливковых, апельсиновых, лимонных, пальмовых, гвоздичных, кокосовых и коричных деревьев, которые образовывали тенистые аллеи, непроницаемые для солнечных лучей.

Воды Евфрата, накачиваемые насосами в сотню полых колонн, струились в эти заросли, наполняя обширные мраморные бассейны; потом они низвергались по другим каналам и образовывали в парке каскады длиной в шесть тысяч футов и сотню тысяч фонтанов, бьющих на такую высоту, что верх струи был еле различим; затем воды вновь возвращались в лоно Евфрата. Висячие сады Семирамиды ^[2], изумлявшие Азию несколько столетий спустя, были лишь слабым подражанием этим древним чудесам, так как во времена Семирамиды уже начиналось общее вырождение как мужского, так и женского пола.

Но что было всего прекраснее в Вавилоне и что затмевало все остальное, это дочь царя – Формозанта ^[3]. Спустя века с ее изображений и статуй Пракситель ^[4] изваял Афродиту – ту, что известна под именем Венеры Прекраснозадой ^[5]. Но какая разница, о небо, между оригиналом и копиями! И Бел справедливо гордился дочерью больше, чем царством. Ей минуло восемнадцать лет. Пора было найти ей достойного супруга; но где искать его? Древний оракул предсказал, что Формозанта будет принадлежать лишь тому, кто натянет лук Нимврода. Нимврод ^[6], сильный зверолов перед господом, оставил после себя лук в семь вавилонских

футов, изготовленный из черного дерева, более твердого, чем железо Кавказских гор, которое куют в кузницах Дербента [7]. Ни один смертный со времен Нимврода не мог натянуть тетиву этого удивительного лука.

И еще было предсказано, что рука, натянувшая лук, умертвит самого грозного, самого свирепого из львов, каких только видели на арене Вавилонского цирка. Но и это было еще не все: стрелок из лука, победитель льва должен был одолеть всех своих соперников, а главное – должен был обладать острым умом, быть сильнейшим и великодушнейшим из людей и владеть редчайшим сокровищем, которое когда-либо существовало на земле.

Три властелина дерзнули оспаривать руку Формозанты: египетский фараон, индийский шах и великий хан скифов.

Бел назначил день поединка и выбрал местом для него обширное поле в отдаленной части парка, которую омывали сливавшиеся здесь воды Евфрата и Тигра. Вокруг ристалища возвели мраморный амфитеатр, вмещавший пятьсот тысяч зрителей. Против амфитеатра воздвигли трон царя, который должен был появиться с Формозантой, сопровождаемый своим двором. Справа и слева, между троном и амфитеатром, расположены были места трех соискателей и всех прочих царей, которые пожелали бы присутствовать на этом августейшем празднестве.

Первым явился египетский фараон. Он ехал верхом на священном быке Аписе, держа в руке систр [8] богини Изиды [9]. Его сопровождали две тысячи жрецов в полотняных одеждах белее снега, две тысячи евнухов, две тысячи магов и две тысячи воинов.

Вслед за ним появился вскоре владыка Индии на колеснице, влекомой двенадцатью слонами. Он был окружен еще более пышной и многочисленной свитой, нежели египетский фараон.

Последним прибыл повелитель скифов. С ним были лишь отборные воины, вооруженные луками и стрелами. Царь восседал на укрощенном им великолепном тигре, не менее рослом, чем самый прекрасный персидский конь. Своей осанкой, представительной и величественной, этот монарх затмевал соперников. Его обнаженные белые и мускулистые руки, казалось, уже натягивали лук Нимврода.

Владыки простерлись перед Белом и Формозантой. Египетский фараон преподнес царевне двух самых прекрасных нильских крокодилов, двух гиппопотамов, двух зебр, двух египетских крыс, две мумии и книги великого Гермеса – редчайшее земное сокровище, по убеждению владыки.

Царь Индии поднес ей в дар сто слонов, на спинах которых высились

деревянные золоченые башенки, и положил к ее стопам «Веды», написанные рукой самого Ксаки [\[10\]](#).

Скифский царь, не умевший ни читать, ни писать, подарил ей сто боевых коней, покрытых чепраками из шкурок черно-бурых лисиц.

Царевна потупила взор перед своими поклонниками и грациозно, с достоинством, поклонилась им.

Бел приказал усадить царей на предназначенные им места.

– Почему у меня не три дочери? – воскликнул он. – Сегодня я мог бы осчастливить шесть человек.

Затем он повелел бросить жребий, кому первому должно натянуть лук Нимврода. Имена трех соперников бросили в золотой шлем. Первым оказался египетский фараон, вторым – индийский царь. Скифский царь, поглядев на лук и на соперников, не пожалел о том, что его черед – третий.

Пока шли приготовления к этим блистательным испытаниям, двадцать тысяч пажей и двадцать тысяч молодых девушек, ловко проходя по рядам зрителей, предлагали прохладительные напитки. Все единодушно решили, что боги создали царей лишь для того, чтобы ежедневно устраивать празднества, – разумеется, разнообразные; что жизнь слишком быстролетна, чтобы заполнять ее чем-нибудь иным; что тяжбы, интриги, войны, богословские споры, укорачивающие человеческое существование, бессмысленны и отвратительны; что человек рожден лишь для счастья; что не любил бы он столь страстно и неизменно наслаждения, если бы не был создан для них; что жажда радости заложена в человеческой природе, а все остальное – суета. Эта превосходная философия не была опровергнута никогда и ничем, кроме фактов.

Когда все было готово к состязаниям, которые должны были решить судьбу Формозанты, какой-то юный незнакомец, верхом на единороге, в сопровождении слуги, тоже на единороге, подъехал к барьеру, держа на руке большую птицу. Стража была поражена при виде человека богоподобной внешности, восседавшего на столь удивительном звере. Он был, как говорили впоследствии, Геракл станом и Адонис лицом. Величие в соединении с изяществом. Его черные брови и длинные белокурые волосы – прекрасное сочетание, доселе неизвестное в Вавилоне, – пленили собравшихся. Весь амфитеатр поднялся, стараясь получше разглядеть его; придворные дамы взирали на него с изумлением, и даже сама Формозанта, которая все время сидела, потупив очи, взглянула на него и покраснела. Три царя побледнели. Зрители, сравнивая Формозанту с незнакомцем, восклицали:

– В целом мире только этот юноша красотой подобен царевне!

Телохранители Бела, придя в себя от удивления, спросили чужеземца, не царь ли он. Он ответил, что судьба не удостоила его этой чести, но что он прибыл издалека, любопытствуя увидеть, есть ли на свете цари, достойные Формозанты. Его провели в первый ряд амфитеатра вместе со слугой, единорогами и птицей. Он низко склонился перед Белом, его дочерью, тремя царями, все собранием и, раздевшись, занял свое место. Единороги легли у его ног, птица села ему на плечо, а слуга, державший небольшой мешочек, устроился рядом с ним.

Состязания начались. Из золотого футляра был вынут лук Нимврода. Главный церемониймейстер, в сопровождении пятидесяти пажей и предшествуемый двадцатью трубачами, поднес лук египетскому фараону, который повелел своим жрецам освятить его, а затем возложил его на голову священного быка Аписа. Теперь он был твердо уверен, что победит в этом первом испытании. Он выходит на середину арены, он пытается натянуть лук, он напрягает все силы, он делает судорожные движения, вызывая смех зрителей, заставляя улыбнуться даже Формозанту.

К нему приближается его верховный жрец.

– Пусть ваше величество, – сказал он, – откажется от этой суетной чести, для которой нужны лишь нервы и мышцы. Вы восторжествуете в остальном. Вы победите льва, ибо вам принадлежит меч Озириса [\[11\]](#). Царевна вавилонская должна принадлежать тому властелину, который мудрее всех, а вы уже проникли во многие тайны. Она должна стать супругой того, кто всех добродетельнее, а вы являетесь таковым, ибо воспитаны жрецами Египта. Ее должен назвать своей самый щедрый, а вы подарили ей двух самых прекрасных крокодилов и двух самых прекрасных во всей дельте крыс. Вам принадлежат священный бык Апис и книги Гермеса – редчайшие сокровища на земле. Никто не может оспаривать у вас Формозанту.

– Ты прав, – ответил фараон и снова занял свое место.

Лук вручили царю Индии. У того две недели после состязаний не сходили с рук мозоли, и он утешал себя тем, что царь скифов окажется не более счастливым, чем он. И вот царь скифов, в свою очередь, попытался натянуть тетиву. Он проявил и ловкость и силу. Казалось, лук приобрел в его руках некоторую гибкость; царю удалось слегка согнуть его, но натянуть тетиву он так и не смог. Зрители, которым приятное лицо царя внушило симпатию, испустили вздох разочарования при виде его неуспеха и решили, что прекрасной царевне не суждено выйти замуж.

Тогда юный незнакомец одним прыжком соскочил на арену.

– Не удивляйтесь тому, ваше величество, – сказал он царю скифов, –

что вы не добились полного успеха. Эти луки из черного дерева выделывают на моей родине, тут необходимо знать, как взяться. Гораздо больше чести для вас согнуть его слегка, чем для меня – натянуть тетиву.

Он взял стрелу, натянул лук Нимврода, и стрела полетела далеко за пределы ристалища. Буря рукоплесканий встретила этот подвиг. Вавилон гремел от приветственных кликов, и женщины восклицали:

– Какое счастье, что столь прекрасный юноша обладает такой силой!

Затем, вынув из кармана маленькую пластинку слоновой кости, он золотой иглой начертал на ней что-то, прикрепил ее к луку и с грацией, восхитившей зрителей, преподнес царевне. Потом скромно возвратился на свое место и сел между птицей и слугой. Вавилоняне были поражены. Трое владык – смущены. Незнакомец, казалось, не замечал этого.

Формозанта удивилась еще более, прочитав на пластинке слоновой кости следующие стихи, написанные на превосходном халдейском языке:

Нимврода лук – оружие боевое,
Амура лук – оружие любви.
Владея им, блаженство неземное
Вы дарите, будя огонь в крови.
Вступили три владыки в состязанье.
Ваш благосклонный взгляд для них закон.
Счастливец тот, чье сбудется желанье,
Несчастен тот, что будет побежден.

Этот изящный мадригал отнюдь не разгневал царевну. Несколько убеленных сединой царедворцев раскритиковали его, сказав, что в добрые старые времена Бела сравнили бы с солнцем, а Формозанту – с луной, шею ее – с башней, а грудь – с четвериком пшеницы. Они утверждали, что у чужеземца отсутствует воображение и что он отступил от правил истинной поэзии, но дамы нашли стихи весьма изысканными. Они восхищались тем, что человек, столь ловко натянувший 344 тетиву, вместе с тем и столь умен. Статс-дама царевны сказала:

– Ваше высочество, вот поистине таланты, пропадающие втуне. Что принесет этому молодому человеку его ум и лук Нимврода?

– Всеобщее восхищение, – ответила Формозанта.

– Ах, вот как! – пробормотала сквозь зубы статс-дама. – Еще один мадригал – и его полюбят.

Между тем Бел, посоветовавшись со своими магами, объявил, что,

хотя ни один из трех царей не натянул тетивы лука Нимврода, тем не менее дочь его обязательно должна вступить в брак, поэтому она будет обвенчана с тем, кто умертвит огромного льва, специально вскормленного в зверинце. Египетский фараон, впитавший всю мудрость своей отчизны, решил, что в высшей степени нелепо подвергать себя, всемогущего владыку, опасности быть растерзанным диким зверем лишь для того, чтобы потом вступить в брак. Он не отрицал, что обладание Формозантой – высокая награда, но полагал, что если лев растерзает его, тем самым он навсегда лишится возможности стать супругом прекрасной вавилонянки. Царь Индии был того же мнения. Они пришли к заключению, что вавилонский царь издевается над ними; что им следует призвать войска, дабы наказать его; что у них достаточно подданных, которые почтут за честь умереть по приказу своих повелителей, и тогда с их венценосных голов не упадет ни единого волоска; что они легко свергнут с престола царя вавилонского и бросят жребий, кому из них обладать прекрасной Формозантой.

Придя к такому соглашению, оба царя отправили каждый в свою страну гонцов со спешным приказом набрать трехсоттысячную армию, чтобы похитить царевну.

На арену сошел один только скифский царь, вооруженный кривой саблей. Он вовсе не был влюблен без памяти в прелестную Формозанту. До сей поры единственной его страстью была слава, она-то и привлекла его в Вавилон. Он хотел доказать, что если у владык Индии и Египта достало благоразумия не связываться со львом, то у него достанет мужества вступить в этот поединок и восстановить честь царского венца. Его редкостная отвага воспретила ему прибегнуть к помощи тигра. И вот он выступает вперед, столь легко вооруженный, в стальном шлеме с золотой насечкой, на котором реяли три белых, как снег, конских хвоста.

Против него выпускают самого огромного льва, какой когда-либо был вскормлен в горах Антиливана [\[12\]](#). Казалось, чудовищные когти льва способны растерзать сразу всех трех царей, а огромная пасть – поглотить их. Яростное рычание разносится по всему амфитеатру. Доблестные противники стремительно бросаются навстречу друг другу. Мужественный скиф глубоко вонзает саблю в отверстие пасти льва, но острие, наткнувшись на один из тех крепких клыков, которых ничто не в силах раздробить, разлетается в куски, и чудовище, расшвирипев от нанесенной ему раны, уже запускает окровавленные когти в тело царя.

Юный незнакомец, встревоженный опасностью, грозящей отважному царю, молниеносно прыгивает на арену и отсекает голову льву с той ловкостью, с какой впоследствии наши молодые кавалеры снимали на

каруселях голову мавра или кольцо.

Потом, вынув маленькую шкатулку, он преподнес ее скифскому царю со следующими словами:

– Ваше величество, в этой шкатулке вы найдете настоящий ясец [\[13\]](#), произрастающий на моей родине; он мгновенно исцелит ваши почетные раны. Лишь случайность помешала вам убить льва, но это отнюдь не умаляет вашей доблести.

Царь скифов, более склонный к признательности, чем к зависти, поблагодарил своего избавителя, нежно обнял его и удалился в свои покои, чтобы приложить ясец к ранам.

Незнакомец отдал львиную голову своему слуге, тот вымыл ее в водоеме, расположенном ниже амфитеатра, выпустил из нее кровь и, достав из мешка клещи, выдернул из львиной пасти все сорок зубов, а на их место вставил сорок алмазов равной величины.

Его господин, с присущей ему скромностью, возвратился на свое место. Он отдал львиную голову птице.

– Прекрасная птица, – сказал он, – положи к ногам Формозанты этот ничтожный знак моего восхищения.

Птица взлетает, держа в когтях грозный трофей. Она кладет его к ногам царевны, распластавшись перед ней и почтительно изогнув шею. Глаза собравшихся были ослеплены алмазами. В пышном Вавилоне еще не ве-346 дали этих великолепных камней. Там считали, что самые драгоценные украшения – это изумруды, топазы, сапфиры и карбункулы. Бел и весь двор пришли в восхищение. Птица, преподнесшая столь прекрасный дар, изумила их еще больше. Величиной она не уступала орлу, но глаза ее были так же кротки и нежны, как горды и грозны орлиные очи. Ее розовый клюв чем-то неуловимо напоминал прелестные уста Формозанты. Шея птицы отливала всеми цветами радуги, но более яркими, более ослепительными. Оперение играло тысячью золотистых оттенков, лапы были словно из серебра и пурпура, и хвосты тех чудесных птиц, которых впоследствии впрягли в колесницу Юноны [\[14\]](#), меркли перед ее хвостом.

Внимание, любопытство, изумление, восторг всего двора устремлялись то на сорок алмазов, то на птицу. Она примостилась на балюстраде между Белом и его дочерью. Формозанта гладила, ласкала, целовала ее. Птица, казалось, принимала ее ласки с почтительным удовольствием. Когда царевна целовала птицу, та возвращала поцелуй, а потом глядела на нее растроганным взглядом. Она брала от царевны

бисквиты и фисташки, хватая их своей серебристо-пурпуровой лапой, и с невыразимой грацией подносила потом к клюву.

Бел, внимательно разглядывавший алмазы, подумал, что едва ли хоть какая-нибудь из его провинций могла бы оплатить стоимость столь богатого дара. Он повелел приготовить для незнакомца подарки роскошнее тех, которые предназначались трем правителям.

– Этот юноша, – сказал царь, – несомненно, сын китайского императора или владыки той части света, которую именуют Европой и о которой до меня доходили слухи, а может быть, он сын африканского царя, чьи земли, говорят, граничат с Египтом.

Царь немедленно отправил своего обер-шталмейстера приветствовать незнакомца и спросить его, не царь ли он одного из этих государств и почему, владея такими изумительными сокровищами, он прибыл в сопровождении лишь одного слуги, нагруженного маленьким мешком.

В то время, как обер-шталмейстер приближался к амфитеатру, чтобы выполнить приказание, появился другой слуга, верхом на единороге. Он обратился к юноше со следующими словами:

– Ормар, отец ваш заканчивает свое земное существование; я прибыл сообщить вам об этом.

Незнакомец поднял глаза к небу, залился слезами и произнес только два слова:

– В путь!

Обер-шталмейстер, передав приветствие Бела победителю льва, дарителю сорока алмазов, хозяину чудесной птицы, спросил у слуги, каким же царством правит отец этого юного героя.

– Его отец – старый пастух, горячо любимый в округе, – ответил слуга.

Пока шел этот короткий разговор, незнакомец успел вскочить на единорога.

– Сударь, – сказал он обер-шталмейстеру, – благоволите передать выражение моей величайшей преданности Белу и его дочери; скажите ей, что я умоляю ее взять на свое попечение птицу, которую оставляю. Птица эта подобна самой царевне – другой такой нет на свете.

Сказав это, он умчался подобно молнии. Двое его слуг устремились вслед за ним и вскоре исчезли из виду.

Формозанта громко вскрикнула. Птица, обернувшись к амфитеатру, где недавно сидел ее хозяин, и не видя его, печально нахохлилась. Затем пристально посмотрела на царевну и нежно потерлась клювом о ее прекрасную руку. Она, казалось, посвящала себя служению ей.

Царь был совершенно ошеломлен, узнав, что необыкновенный юноша

– сын пастуха, и не поверил этому. Он приказал догнать его, но вскоре ему доложили, что единорогов, на которых умчались трое всадников, невозможно настичь, ибо таким галопом, каким они скачут, они делают, надо полагать, по сто лье в день.

Все толковали об этом странном происшествии и напрасно ломали себе головы, строя всевозможные догадки. Каким образом сын пастуха мог преподнести сорок крупных алмазов? Почему он ездит на единороге? Эти вопросы ставили всех в тупик; меж тем Формозанта, лаская птицу, была погружена в глубокое раздумье.

Княжна Алдея, ее троюродная сестра, стройная и почти столь же прекрасная, как Формозанта, сказала ей:

– Не знаю, кузина, действительно ли этот юный полубог – сын пастуха, но, сдается мне, он выполнил все условия, дающие ему право на вашу руку. Он натянул лук Нимврода, он победил льва, он очень умен, ибо посвятил вам довольно изящный экспромт. Вы получили от него сорок огромных алмазов и не станете отрицать, что он самый щедрый из людей. Его птица – редчайшее сокровище на земле, а добродетель ни с чем не сравнима, так как, имея возможность остаться с вами, он тем не менее уехал, едва услышал о болезни отца. Все требования оракула он выполнил, кроме одного, – повергнуть ниц соперников; но он поступил благородней, – спас жизнь единственному, которого мог опасаться. Что же касается двух остальных, то, надеюсь, вы понимаете, как легко он одолел бы их, если бы возникла в том необходимость.

– Все это суцая правда, – ответила Формозанта, – но возможно ли, что величайший из людей, а может быть, и самый любезный из них сын пастуха?

Статс-дама, вмешавшись в беседу, заметила, что нередко под словом «пастырь» понимают царя; что пастырями их зовут из-за усердия, с каким они стригут свою паству; что то была, вероятно, лишь неподобающая шутка его слуги; что этот юный герой появился в сопровождении столь скромной свиты лишь затем, чтобы подчеркнуть, насколько присущие ему достоинства превышают блеск царей, и быть обязанным завоеванием Формозанты только самому себе. В ответ на эти слова царевна осыпала птицу нежнейшими ласками.

Тем временем шли приготовления к блистательному пиршеству в честь трех царей и всех властителей, приехавших на празднество. Дочь и племянница царя должны были почтить пир своим присутствием. Царям отнесли подарки, достойные великолепия Вавилона. Бел, в ожидании трапезы, созвал Совет, дабы решить вопрос о браке прекрасной

Формозанты. Будучи тонким политиком, он заявил:

– Я стар, ума не приложу, что делать и за кого отдать мою дочь. Заслуживший ее – ничтожный пастух. Царь Индии и фараон Египта – трусы. Царь скифов подошел бы больше других, но он не выполнил ни одного из требуемых условий. Я еще раз спрошу оракула, а вы меж тем посоветуйтесь, и смотря по ответу оракула мы решим, что делать, ибо царю всегда надлежит поступать согласно священной воле бессмертных богов.

Он идет в свою молельню. Оракул, как обычно, отвечает кратко: «Дочь твоя вступит в брак не раньше, чем постранствует по свету». Изумленный Бел возвращается и сообщает собравшимся этот ответ.

Все министры питали глубокое уважение к оракулам, все признавали или делали вид, что признают, будто они – основа религии, что разуму должно умолкнуть перед ними, что с их помощью цари управляют народами, а жрецы – царями, что, не будь оракулов, не было бы на земле ни добродетели, ни покоя. В конце концов, выразив оракулу самое глубокое почтение, министры почти единогласно решили, что на этот раз предсказание оказалось дерзким, что ему не следует подчиняться, что непристойно девице, к тому же дочери могучего царя Вавилона, пускаться в бесцельные странствия, что это верный способ или никогда не выйти замуж, или обвенчаться тайно, недостойно, неприлично; одним словом, что оракул этот лишен здравого смысла.

Самый молодой и самый умный из министров, по имени Онадаз, сказал, что, несомненно, оракул имел в виду какое-нибудь паломничество к святым местам, и предложил сопровождать царевну. Совет согласился с его мнением, но каждый предлагал в сопровождающие себя. Царь решил, что царевна может отправиться в храм, находящийся в трехстах парасангах от города по дороге в Аравию, на поклонение святому, слывшему устройтелем счастливых браков, и что сопровождать ее будет старейшина Совета. Приняв это решение, все отправились ужинать.

Среди садов, между двумя каскадами, высился овальной формы чертог в триста футов диаметром. Его лазоревый свод, усеянный золотыми звездами, воспроизводил точное расположение созвездий и планет. Он вращался, подобно заоблачной тверди, управляемый такими же невидимыми механизмами, как те, которые управляют движением небес. Сто тысяч светильников в цилиндрах из горного хрусталя озаряли столовую изнутри и снаружи. Буфет, имевший вид амфитеатра, заключал в себе двадцать тысяч золотых ваз и блюд. Ступени напротив были заняты музыкантами. Два других амфитеатра были наполнены один – плодами всех времен года, второй – хрустальными амфорами, в которых искрились вина со всей земли.

Гости заняли места за пиршественным столом, изукрашенным цветами и фруктами из драгоценных камней. Прекрасная Формозанта сидела между царем индийским и фараоном египетским, прекрасная же Алдея сидела рядом с царем скифов. Было еще тридцать других государей, и возле каждого сидела какая-нибудь придворная красавица. Царь Вавилона, восседавший напротив дочери, казался, и скорбел, что не нашел ей достойного супруга, и в то же время радовался, что она еще с ним. Формозанта попросила у него разрешения посадить свою птицу возле себя на столе. Царь охотно согласился.

Под звуки музыки монархи могли непринужденно беседовать. Пир протекал и весело и пышно. Формозанте подали рагу, любимое кушанье Бела. Она сказала, что это яство следовало бы сперва подать его величеству; с неподражаемой ловкостью птица тотчас же схватила блюдо и поднесла царю. Все несказанно удивились. Бел, как и его дочь, приласкал птицу, после чего та полетела обратно к Формозанте. На лету птица распустила такой чудесный хвост, ее распростертые крылья отливали такими дивными красками, золото оперения так ослепительно блестело, что все не сводили с нее глаз. Музыканты перестали играть и словно окаменели. Никто не ел, разговоры прекратились, слышен был лишь восхищенный шепот. В продолжение всего ужина царевна ласкала птицу, забыв обо всех царях на свете. Цари же – индийский и египетский – все больше досадовали и возмущались, и каждый дал себе слово ускорить прибытие своих трехсоттысячных армий, чтобы отомстить за пренебрежение к себе.

Что же до скифского царя, то он был поглощен беседой с прелестной Алдеей. Его гордое сердце отвечало презрением на холодность Формозанты и было исполнено скорее безразличием, нежели обидой и гневом.

– Она прекрасна, слов нет, – говорил он, – но, кажется, принадлежит к числу тех женщин, которые поглощены лишь своей красотой и полагают, что род человеческий должен быть им очень признателен, если они удостоят показаться в свете. В моей стране не поклоняются идолам. Я предпочел бы приветливую и обходительную дурнушку этой прекрасной статуе. Вы, ваше высочество, не менее очаровательны, однако снисходите до беседы с чужеземцами. С откровенностью скифа признаюсь, что отдаю предпочтение вам перед вашей кузиной.

Однако он заблуждался относительно характера Формозанты: она не была такой высокомерной, какой казалась, но комплимент его был весьма благосклонно принят княжной Алдеей. Беседа их становилась все оживленнее, они были очень довольны друг другом и уже до того, как закончился пир, вполне сговорились.

После ужина все отправились погулять в сад. Царь скифов и Алдея отыскивали укромную беседку. Алдея, очень откровенная по натуре, сказала царю:

– Я не питаю ненависти к кузине, хотя она прекраснее меня и ей предназначен трон Вавилона. Я имею честь нравиться вам – мне это дороже красоты. Скифию с вами я предпочитаю Вавилону без вас. Но по праву, если только в мире вообще существует право, вавилонская корона принадлежит мне, ибо я происхожу от старшей ветви потомков Нимврода, а Формозанта – от младшей. Ее дед отнял престол у моего деда и приказал его казнить.

– Так вот как уважают кровное родство цари Вавилона! – воскликнул скиф. – Как звали вашего деда?

– Его имя было Алдей, как мое. Отец мой носил то же имя, он вместе с матерью был сослан в глубь страны, и Бел, успокоившись после их смерти, пожелал воспитывать меня вместе со своей дочерью, но решил никогда не выдавать замуж.

– Я отомщу за вашего отца, за вашего деда и за вас! – заявил царь скифов. – Ручаюсь вам, что вы выйдете замуж. Я увезу вас на утренней заре послезавтра, потому что завтра должен присутствовать на обеде у вавилонского царя, а затем вернусь сюда с трехсоттысячной армией и восстановлю ваши погрязшие права.

– Я буду ждать вас, – отвечала прекрасная Алдея, и поклявшись друг

другу в верности, они расстались.

Давно уже несравненная Формозанта удалилась к себе в опочивальню. Она приказала поставить возле своего ложа серебряный ящик с апельсинным деревцем, чтобы птица могла дремать на его ветвях. Полог был задернут, но Формозанте не спалось, слишком взволнованы были ее сердце и воображение. Перед ее мысленным взором всплывал образ прекрасного незнакомца. То она видела, как он натягивает лук Нимврода, то следила, как одним взмахом сабли отсекает голову льву, то повторяла его мадригал; наконец, она представила себе, как, вырвавшись из толпы, он мчится на своем единороге, – и, разразившись рыданиями, горестно воскликнула:

– Я никогда не увижу его больше! Он никогда не вернется!

– Он вернется, ваше высочество, – ответила ей с верхушки апельсинного дерева птица. – Можно ли, однажды увидев вас, не загореться желанием увидеть вновь?

– О небо! О силы небесные! Моя птица заговорила на чистейшем халдейском языке! – воскликнула царица и, откинув полог, встала на колени и протянула к ней руки. – Не божество ли вы, сошедшее на землю, не таится ли сам великий Оромазд под этим дивным оперением? Прошу вас, если вы божество, верните мне прекрасного юношу.

– Я всего лишь птица, – сказала та, – но я родилась еще в ту пору, когда животные умели говорить, и птицы, змеи, ослицы, кони, грифы запросто беседовали с людьми. Я не хотела говорить в присутствии людей из опасения, что ваши придворные дамы примут меня за колдунью, и решила открыться вам одной.

Потрясенная, сбитая с толку, очарованная такими чудесами, Формозанта взволнованно требовала ответов на сотни вопросов. Но прежде всего она хотела знать, сколько же птице лет.

– Двадцать семь тысяч девятьсот лет и шесть месяцев, ваше высочество, – ответила та. – Мне столько же лет, сколько длится малое возмущение небесных тел, которое ваши жрецы именуют предварением равноденствия, то есть около двадцати восьми тысяч лет по вашему летосчислению. Бывают возмущения куда более длительные, равно как бывают среди нас создания куда более древние, чем я. Двадцать тысяч лет назад, во время одного из моих путешествий, я научилась говорить по-халдейски. Мне очень нравится этот язык, но мои соплеменники отказались говорить на нем в ваших краях.

– Почему же, моя божественная птица?

– Потому, увы, что люди начали поедать нас, вместо того чтобы

учиться у нас и беседовать с нами. Варвары! Им следовало бы понять, что мы, обладая теми же органами, теми же чувствами, теми же потребностями, теми же стремлениями, что и они, обладаем и так называемой душой, что мы – сродни людям и что варить и есть можно только злых животных. Мы настолько родственны вам, что великий творец, бессмертный создатель, заключив договор с людьми [15], сознательно упомянул в нем о нас. Он запретил вам питаться нашей кровью, а нам – высасывать вашу.

Басни вашего древнего Локмана [16], переведенные на множество языков, останутся незыблемым свидетельством того счастливого общения, которое вы когда-то поддерживали с нами. Все они начинаются словами: «В ту пору, когда животные умели говорить». Правда, многие ваши женщины и сейчас еще разговаривают со своими собаками, но те решили никогда больше не отвечать им, с тех пор как ударами плети их стали принуждать охотиться и таким образом становиться сообщниками убийства наших прежних общих друзей: оленей, ланей, зайцев и куропаток.

В ваших древних поэмах кони говорят на человеческом языке, а ваши возницы и ныне обращаются к ним с речами, но при этом употребляют такие грубые и подлые слова, что эти животные, некогда очень привязанные к вам, стали вас ненавидеть.

Страна, где проживает ваш прекрасный незнакомец, самый совершенный из людей, – единственная страна, где людская порода еще умеет любить нас и беседовать с нами, и это единственный край на земле, где люди справедливы.

– Где же находится страна моего дорогого незнакомца? Как имя этого героя? Как называется государство, которым он правит? Мне столь же трудно поверить в то, что он пастух, как в то, что вы – летучая мышь.

– Его страна, ваше высочество, – это страна гангаридов, народа добродетельного и несокрушимого, населяющего восточный берег Ганга. Имя моего друга – Амазан. Он не царь, и я сильно сомневаюсь, чтобы он пожелал низвести себя до этого сана. Он слишком любит своих соотечественников, поэтому он такой же пастух, как они. Но не думайте, что эти пастухи похожи на ваших, едва прикрытых лохмотьями, которые пасут овец, одетых неизмеримо теплее, чем они, и, изнемогая под бременем нищеты, выплачивают сборщику податей половину своего жалкого заработка. Среди гангаридских пастухов царит равенство, они – хозяева бесчисленных овец, пасущихся на вечноцветущих равнинах. Овец этих никогда не убивают, ибо нет большего оскорбления Гангу, чем убить и

съесть себе подобного. Шерсть этих овец, более тонкая и блестящая, чем самый великолепный шелк, служит главным предметом торговли со странами Востока. К тому же земля гангаридов родит все, что только может пожелать человек. Эти крупные брильянты, которые Амазан имел честь поднести вам, добыты из россыпи, ему принадлежащей. Все гангариды, так же как и он, ездят на единорогах. Это самое прекрасное, самое гордое, самое грозное и самое ласковое из животных, украшающих землю. Достаточно сотни гангаридов и сотни единорогов, чтобы рассеять бессчетное войско. Около двухсот лет назад некий индийский царь был столь безумен, что, пожелав завоевать страну гангаридов, явился туда в сопровождении десяти тысяч слонов и миллиона воинов. Единороги пронзали слонов, словно тех полевых жаворонков, нанизанных на маленькие золотые вертелы, которых я видела на вашем столе во время пира. Под взмахами сабель гангаридов враги падали, как стебли риса, срезанные жителями Востока. Царя и более шестисот тысяч воинов взяли в плен. Его омыли в целебных водах Ганга и заставили есть только то, что едят местные жители, то есть растения, самой природой предназначенные в пищу всему живому. В людях, питающихся убоиной и отравленных крепкими винами, течет кровь прокисшая и воспаленная, она на сто ладов сводит их с ума, и главное их безумие – это страсть проливать кровь ближних и опустошать плодородные земли, чтобы потом царствовать над кладбищами. Полгода понадобилось для полного исцеления царя Индии. Когда врачи убедились наконец, что пульс его стал ровнее и разум просветлел, они представили Совету гангаридов свидетельство о состоянии его здоровья. Совет, выслушав также мнение единорогов, великодушно разрешил царю Индии, глупым придворным и невежественным воинам возвратиться к себе на родину. Этот урок образумил их, и с той поры народы Индии уважают гангаридов, подобно тому как у вас невежды, жаждущие знаний, уважают халдейских философов, сравняться с которыми не могут.

– Кстати, моя дорогая птица, есть ли у гангаридов религия? – спросила царевна.

– Конечно, ваше высочество! Каждое полнолуние мы собираемся, чтобы возблагодарить бога. Мужчины – в обширном храме из кедра, женщины, боясь отвлечься, – в другом таком же храме. Все птицы слетаются в рощу, четвероногие собираются на чудесном лугу. Мы благодарим бога за все ниспосланные нам дары. А самые лучшие проповеди произносят у нас попугаи. Такова отчизна моего дорогого Амазана. Там живу и я. Мои дружеские чувства к нему столь же горячи, как

любовь, которую он внушил вам. Поверьте мне: поедemте туда, вы отдадите ему визит.

– Поистине, дорогая птица, вы занялись отличным ремеслом, – сказала, улыбаясь, царица, горевшая желанием отправиться в путь, но не дерзавшая высказать это.

– Я служу моему другу, – отвечала птица, – и величайшее благо, после счастья любить вас, это – способствовать вашей любви.

Формозанта никак не могла прийти в себя: ей казалось, что она парит над землей. Все, чему она в течение дня была свидетельницей, все, что видела сейчас, все, что слышала, а главное, все, что ощущала в своем сердце, дарило ей упоение, далеко превосходящее то, которое испытывают взысканные судьбою мусульмане, когда, освобожденные от земных уз, они зрят себя на девятом небе, в объятиях гурий, и их опьяняет и овекает слава и небесное блаженство.

Всю ночь царица провела в расспросах об Амазане. Она теперь называла его не иначе, как «мой пастушок», – прозвище, которое с тех пор у многих народов стало тождественно со словом «возлюбленный». То она хотела знать, не было ли у Амазана других возлюбленных. «Нет», – отвечала птица, и Формозанта чувствовала себя на вершине счастья. То она допытывалась, какой образ жизни он ведет, и с восторгом узнавала, что он занят добрыми делами, содействует развитию искусств, старается проникнуть в тайны природы, стремится к самоусовершенствованию. То она спрашивала, почему, если душа птицы сродни душе ее возлюбленного, птица прожила двадцать восемь тысяч лет, а возлюбленный – лишь восемнадцать-девятнадцать? Она задавала сотни подобных вопросов, на которые птица отвечала сдержанно, чем еще сильнее возбуждала ее любопытство. Наконец сон смежил их очи и отдал Формозанту во власть ниспосылаемых богами сладостных сновидений, которые живостью своей превосходят порою самую действительность и дать истолкование которых не всегда может даже халдейская философия.

Формозанта проснулась очень поздно. В опочивальне еще царил полумрак, когда отец ее вошел к ней. Птица встретила его величество с изысканной почтительностью, вышла ему навстречу, захлопала крыльями, изогнула шею и затем снова взлетела на апельсинное дерево. Царь присел на ложе дочери, еще больше похорошевшей от приятных сновидений. Коснувшись длинной бородой ее прекрасного лица и дважды поцеловав, царь сказал:

– Дорогая дочь моя, вопреки моим надеждам, вчера вы не смогли обрести себе супруга. Однако вы должны выйти замуж, этого требует благо государства. Я советовался с оракулом, который, как вам известно, никогда не лжет и руководит всеми моими поступками. Он приказал мне отправить вас странствовать. Вам необходимо совершить путешествие.

– Ах, – воскликнула царица, – конечно, к гангаридам!

Но как только у нее вырвались эти необдуманно слова, она спохватилась, что сболтнула лишнее. Царь, не имевший никакого понятия о географии, спросил ее, кто такие эти гангариды. Формозанта легко нашла отговорку. Царь сообщил ей, что она должна совершить паломничество, что он уже назначил людей в ее свиту. Это – старейшина Государственного совета, верховный жрец, придворная дама, врач, аптекарь и ее птица, а

также необходимое ей число слуг. Формозанта, которая никогда не покидала дворца своего царственного родителя и вплоть до дня празднества в честь трех владык и Амазана вела жизнь хотя и полную обманчивого веселья, но однообразную и подчиненную пышному придворному этикету, была в восторге от предстоящего ей паломничества. «Кто знает, – думала она, – быть может, боги внушат моему дорогому гангариду мысль тоже предпринять паломничество к тому же храму и мне улыбнется счастье повстречать паломника?» Она нежно поблагодарила отца, уверив его, что всегда чувствовала тайное влечение к божеству, поклониться которому ее посылают.

Царь дал в честь гостей изысканный обед, на котором присутствовали только мужчины. Выбор приглашенных оказался неудачным: цари, князья, министры, священники – все завидовали друг другу, все взвешивали каждое свое слово, все были в тягость своим соседям и самим себе. Трапеза протекала уныло, невзирая на обильные возлияния. Обе царевны не выходили из своих покоев, занятые предотъездными хлопотами. Каждая пообедала в скромном уединении. Затем Формозанта отправилась на прогулку в дворцовый парк, взяв с собой свою дорогую птицу; та, чтобы ее позабавить, перелетала с дерева на дерево, распутив свой великолепный хвост и блистая божественным оперением.

Египетский фараон, разгоряченный вином, чтобы не сказать пьяный, приказал своему пажу подать ему лук и стрелы. По правде говоря, этот правитель был самым неловким стрелком в своем государстве. Когда он стрелял в цель, самым безопасным местом было то, куда он метил. Но дивная птица, такая же быстрая в полете, как стрела, метнулась под выстрел и упала, истекая кровью, на руки Формозанте. Фараон, глупо засмеявшись, удалился в свои покои. Царевна пронзительно закричала, зарыдала, стала раздирать ногтями себе лицо и грудь. Птица, умирая, прошептала:

– Сожгите меня и непременно отвезите мой пепел в Счастливую Аравию, к востоку от города Адема, или Эдема, там положите его на солнце, на небольшой костер из гвоздичного и коричневого деревьев.

И она испустила дух.

Долго лежала Формозанта в беспамятстве, а когда пришла в себя, залилась снова слезами.

Отец разделял ее скорбь и проклинал фараона, не сомневаясь, что это происшествие предвещает мрачное будущее. Он немедленно отправился к оракулу, дабы испросить у него совета. Оракул сказал: «Все вместе – смерть и жизнь, измена и постоянство, утрата и выигрыш, бедствие и

счастье». Ни царь, ни члены Совета ничего не поняли, но все же владыка был доволен, что совершил обряд благочестия.

Пока он вопрошал оракула, его безутешная дочь, приказав исполнить предсмертную волю птицы, решила увезти ее пепел в Аравию, хотя бы и рискуя жизнью. Птицу вместе с апельсинным деревом, на котором та ночевала, завернули в ткань из горного льна и сожгли. Царевна собрала пепел в золотую урну, украшенную карбункулами и брильянтами, извлеченными из львиной пасти. Ах, если бы она могла вместо исполнения этого печального похоронного обряда заживо сжечь ненавистного египетского фараона! Это было ее единственное желание. В порыве досады она приказала убить двух его крокодилов, обоих гиппопотамов, обеих зебр, обеих крыс и бросить в Евфрат обе его мумии; попадись ей в руки бык Апис, она и его не пощадила бы.

Египетский фараон, вне себя от подобного оскорбления, немедленно покинул страну, намереваясь ускорить прибытие своей трехсоттысячной армии. Индийский царь, видя, что его союзник отбыл, в тот же день последовал его примеру, твердо решив присоединить триста тысяч своих воинов к египетскому войску. Царь скифов, вместе с Алдеей, тайно уехал ночью, непреклонно решив возвратиться во главе трехсоттысячной армии скифов, чтобы отвоевать у узурпатора вавилонское царство, принадлежащее Алдее, как единственной представительнице старшей ветви. В свою очередь, прекрасная Формозанта в три часа утра пустилась в путь, сопровождаемая свитой и утешаясь мыслью, что едет в Аравию исполнить последнюю волю своей птицы и что, быть может, милость бессмертных богов вернет ей дорогого Амазана, без которого жизнь казалась ей теперь невозможной.

Итак, царь вавилонский, проснувшись, оказался в одиночестве.

– Конец празднествам! – воскликнул он. – Но какую странную пустоту ощущаешь в душе после всего этого шума и суеты! – Однако он воспылал поистине царским гневом, когда узнал о похищении Алдеи. Он приказал разбудить всех министров и созвать Совет. В ожидании их прихода он не преминул обратиться к оракулу, но не добился от него иных слов, кроме тех, которые стали потом знамениты во всем мире: «Если девушек не выдают замуж, они сами находят себе мужей».

Немедленно отдан был приказ трехсоттысячной армии выступить в поход против скифского царя. И вот вспыхнула одна из самых ужасных войн, вызванная самым блистательным из всех возможных празднеств.

Четыре армии, по триста тысяч человек каждая, обрекали Азию на опустошение. Всякий поймет, что Троянская война, удивившая несколько

столетий спустя весь мир, была по сравнению с этой войной лишь детской забавой, но следует также принять во внимание, что в Троянской войне распря возникла из-за женщины уже пожилой и весьма распутной, дозволившей дважды себя похитить [\[17\]](#), тогда как здесь дело касалось двух девушек и птицы.

Индийский царь решил поджидать свою армию на широкой, великолепной дороге, которая тянулась тогда от Вавилона до Кашмира. Скифский царь с Алдеей выбрали живописный путь, который вел к горе Имаус. Впоследствии все эти дороги из-за небрежного к ним отношения исчезли. Египетский фараон направился на запад и двинулся вдоль берегов небольшого моря, именуемого Средиземным, которое невежественные евреи прозвали потом «Великим морем».

А прекрасная Формозанта следовала по Бассорской дороге, обсаженной высокими пальмами, всегда дававшими тень и во все времена года приносившими плоды. Храм, куда она направлялась на поклонение, находился в самой Бассоре. Святой, в честь которого он был воздвигнут, мало чем отличался от того, которому впоследствии поклонялись в Лампсаке [\[18\]](#). Он не только раздобывал девушкам мужей, но нередко сам заменял их. Это был наиболее чтимый в Азии святой.

Формозанту ничуть не занимал бассорский святой. Ей грезились лишь ее любимый гангаридский пастух, ее прекрасный Амазан. Она предполагала сесть в Бассоре на корабль и отправиться в Счастливую Аравию, чтобы исполнить последнюю волю птицы.

На третьем ночлеге, едва лишь она вошла в гостиницу, где гоффурьеры приготовили для нее помещение, как ей доложили, что туда же прибыл и фараон Египта. Получив от своих шпионов сведения о пути следования царевны, он, в сопровождении многочисленной свиты, тотчас же изменил первоначально намеченный путь.

Он приезжает в гостиницу, он ставит у всех выходов стражу, он поднимается в опочивальню прекрасной Формозанты и говорит ей:

– Ваше высочество, именно вас-то я и искал. Вы мало обращали на меня внимания в Вавилоне. Справедливость требует, чтобы спесивые и ветреные девицы были наказаны; вы окажете мне любезность и отужинаете со мной сегодня вечером; вы разделите со мной ложе, а в дальнейшем я поступлю в зависимости от того, буду я вами доволен или нет.

Формозанта тотчас же сообразила, что сила не на ее стороне. Она великолепно понимала, что здравый смысл требует применяться к обстоятельствам, и решила отделаться от фараона с помощью какой-нибудь

невинной хитрости. Искоса взглянув на него, что много веков спустя стало называться «делать глазки», вот что молвила она ему с такой скромностью, прелестью, вкрадчивостью и множеством иных очаровательных ужимок, которые могли бы свести с ума самого разумного мужчину и ослепить самого прозорливого:

– Признаюсь вам, ваше величество, что я ни разу не осмеливалась взглянуть на вас, когда вы удостоили моего царственного отца чести посетить его. Я боялась собственного сердца, стыдилась своего чрезмерного простодушия. Я трепетала, опасаясь, что мой отец и ваши соперники заметят предпочтение, которое я оказываю вам, чего вы, несомненно, заслуживаете. Но теперь я могу свободно отдаться своим чувствам. Клянусь быком Аписом, которого после вас почитаю больше всего на свете, что ваши предложения восхищают меня. Я уже имела честь ужинать с вами у царя, моего отца, и еще раз с удовольствием поужинаю с вами здесь, не стесняемая его присутствием. Единственно, о чем я прошу вас, – пусть ваш верховный жрец выпьет вместе с нами. В Вавилоне он показался мне очень приятным сотрапезником. У меня с собой чудесное ширазское вино, я хочу, чтобы вы оба отведали его. Что же касается вашего второго предложения, то оно очень соблазнительно, но не пристало знатной девушке говорить об этом. Удовлетворитесь тем, что я считаю вас самым могущественным правителем и самым очаровательным мужчиной.

Эти слова вскружили фараону голову. Он охотно согласился позвать на ужин верховного жреца.

– Хочу просить вас еще об одной милости, – сказала царица. – Допустите ко мне моего аптекаря. Молодые девушки часто страдают легкими недугами, требующими известного внимания. То у них головокружение, то сердцебиение, то колики, то удушье, – болезни, которые при некоторых обстоятельствах нуждаются в лечении. Одним словом, мне срочно нужен мой аптекарь, и, надеюсь, вы не откажете мне в этом скромном доказательстве любви.

– Ваше высочество, – ответил фараон, – хотя мы с аптекарем стоим на совершенно противоположных точках зрения и орудия его ремесла не совпадают с моими, но я слишком хорошо воспитан, чтобы отказать вам в такой законной просьбе. Я велю, чтобы он явился к вам еще до ужина. Несомненно, путешествие несколько утомило вас. Вам, конечно, необходима служанка. Прикажите позвать ту, которая вам всего приятнее, а затем я буду ждать ваших повелений и надеяться на вашу благосклонность.

Он удалился. Вошли аптекарь и служанка по имени Ирла. Царица вполне доверяла ей. Она приказала Ирле принести шесть бутылок

ширазского вина к ужину и таким же вином напоить всю стражу, несущую караул возле арестованных вавилонских офицеров. Затем она приказала аптекарю всыпать в бутылки снотворное, от которого люди засыпали на двадцать четыре часа и которое аптекарь всегда держал про запас. Ее приказания были исполнены в точности. Через полчаса явился фараон в сопровождении верховного жреца. Ужин прошел очень оживленно. Фараон и жрец осушили шесть бутылок до дна и признали, что подобного вина в Египте не найти. Служанка постаралась напоить слуг, которые подавали к столу. Сама Формозанта не выпила ни капли, объясняя это тем, что врач предписал ей диету. Вскоре все уснули.

У верховного жреца египетского фараона была борода роскошнее, чем у любого другого представителя его сана. Формозанта очень ловко отрезала ее и, приказав пришить к ленточке, подвязала потом к своему подбородку. Она облачилась в одеяние жреца и нацепила на себя все его знаки отличия, а служанку нарядила жрецом богини Изиды. Захватив урну и драгоценности, она вышла из гостиницы, благополучно миновав стражей, спавших так же крепко, как их господин. Сопровождавшая ее служанка позаботилась о том, чтобы у ворот стояли две оседланные лошади. Царевна не могла взять с собой никого из своей свиты, иначе их задержал бы наружный караул.

Формозанта и Ирла проехали сквозь двойной ряд воинов, принимавших царевну за верховного жреца, величавших ее «ваше преосвященство» и просивших благословения. Беглянки добрались до Бассоры за сутки, прежде чем фараон успел проснуться. Сбросив, чтобы не возбуждать подозрений, свое маскарадное одеяние, они спешно зафрахтовали судно, которое доставило их через Оромаздский пролив к прекрасному берегу Эдема, в Счастливую Аравию. Это был тот самый Эдем, сады которого так прославились, что впоследствии их стали считать обителью праведников. Они явились прообразом Елисейских полей ^[19], садов Гесперид и садов на островах Счастья ^[20], ибо обитатели жарких стран не мыслят себе большего блаженства, нежели тенистая сень и журчание воды. Человеческие существа, которые так и не научились понимать друг друга и не умеют ни мыслить, ни точно выразиться, считают, что вечная жизнь на небесах перед ликом божества равноценна прогулкам по райским садам.

Как только царевна прибыла в эту страну, она поспешила воздать своей дорогой птице погребальные почести, которые та перечислила перед смертью. Своими прекрасными руками она сложила из гвоздичных и

коричных сучьев небольшой костер. Каково же было ее изумление, когда, рассыпав на эти сучья прах птицы, она увидела, что костер вспыхнул сам собой. Все быстро сгорело, но теперь вместо пепла там лежало большое яйцо, из которого затем вылупилась ее птица, еще более ослепительная, чем прежде. Это было самое прекрасное мгновение в жизни царевны. Прекраснее могло быть лишь одно; она страстно желала этого, но не смела надеяться.

– Теперь я вижу, – сказала она, – что вы птица Феникс, о которой мне так много рассказывали. Я готова умереть от радости и удивления. Прежде я никогда не верила в воскресение мертвых, но счастье мое убедило меня.

– Ваше высочество, воскресение из мертвых – самое обычное явление в мире, – ответил ей Феникс. – Родиться дважды не менее естественно, чем родиться один раз. Все в мире возрождается. Гусеница воскресает в бабочке, орех, упавший наземь, – в дереве. Все животные, зарытые в землю, перерождаются в травы, в растения и питают других животных, становясь, таким образом, их плотью. Все частицы, составлявшие некогда живое существо, превращаются в другие существа. Правда, только мне могущественный Оромазд даровал милость – воскресать в своем былом обличе.

Формозанта, которая с той поры, как увидела Амазана и Феникса, не переставала ежеминутно удивляться, сказала:

– Я понимаю, что великое божество могло возродить из вашего праха птицу Феникс, очень на вас похожую, но, признаюсь, мне непонятно, как можете вы быть тем же существом и обладать той же душой, какой обладали: где она была, пока я после вашей смерти носила вас в кармане?

– Боже мой, ваше высочество, разве великому Оромазду труднее сохранить крошечную искру – мою душу, нежели сотворить ее вновь? Некогда он уже даровал мне чувства, память, способность мыслить и вот опять дарует их. Благословил ли он этой милостью только частицу таящегося во мне первоначального огня или все мое существо – от этого ведь ничего не меняется. И птица Феникс, и люди никогда не узнают, как это происходит. Но величайшее благодеяние, оказанное мне божеством, состоит в том, что воскресило оно меня для вас. Ах, почему те двадцать восемь тысяч лет, которые мне суждено прожить до нового возрождения, я не смогу провести с вами и моим дорогим Амазаном!

– Мой милый Феникс, вспомните, что первые слова, сказанные вами мне в Вавилоне, слова, которые я никогда не забуду, окрылили меня надеждой вновь увидеть моего дорогого пастуха. Давайте же вместе отправимся к гангаридам и затем привезем его в Вавилон.

– Таково и мое намерение, – сказал Феникс. – Нельзя терять ни минуты. Мы помчимся к Амазану кратчайшим путем, то есть по воздуху. В Счастливой Аравии, всего в ста пятидесяти милях отсюда, живут два грифа, мои близкие друзья. Я пошлю им с голубиной почтой письмо, и они прилетят сюда еще до наступления темноты. Мы успеем заказать для вас небольшой удобный диван с ящиками для необходимой провизии; вам и вашей служанке будет очень уютно в такой повозке. Эти грифы – самые сильные среди им подобных. Каждый вцепится когтями в одну из ручек дивана. Но повторяю: дорого каждое мгновение.

Птица тут же отправилась с Формозантой к знакомому мебельному мастеру и заказала диван. Спустя четыре часа он был готов. Ящики его наполнили сдобными хлебцами, бисквитами, превосходившими качеством вавилонские, лимонами, ананасами, кокосовыми орехами, фисташками и эдемским вином, которое настолько же вкуснее ширазского, насколько последнее превосходит сюренское.

Диван был и удобен, и легок, и прочен. Грифы прилетели в назначенный час. Формозанта и Ирла уселись в экипаж. Грифы подняли его, словно перышко. Феникс то летал рядом, то садился на спинку дивана. Грифы устремились к Гангу с быстротой стрелы, рассекающей воздух. Остановки были недолгими, лишь ночью, чтобы поесть и напоить пернатых возниц.

Наконец они прибыли в страну гангаридов. Сердце царевны трепетало от надежды, любви, радости. Феникс приказал спуститься возле дома Амазана. Он попросил слуг доложить о нем, но ему ответили, что три часа назад Амазан покинул дом и уехал в неизвестном направлении.

Нет слов даже на языке гангаридов, чтобы передать отчаяние, овладевшее Формозантой.

– Увы! Этого-то я и опасался, – сказал Феникс. – Те три часа, которые вы провели в гостинице, по дороге в Бассору, с этим злополучным египетским фараоном, отняли у вас, быть может, навсегда, счастье вашей жизни. Боюсь, что вы безвозвратно утратили Амазана.

Феникс спросил, нельзя ли им приветствовать мать Амазана, но слуги ответили, что супруг ее позавчера скончался и она никого не принимает.

Феникс, бывавший прежде в этом доме запросто, провел вавилонскую царевну в покой, стены которого были обшиты апельсиновым деревом и выложены пластинками слоновой кости. Подпаски-мальчики и подпаски-девочки в длинных белоснежных одеждах, опоясанные ярко-оранжевыми лентами, подали ей в ста корзиночках из простого фарфора сто изысканных яств, среди которых не было убоины, зато были рис, саго, манна,

вермишель, макароны, омлеты, фрукты, такие душистые и сладкие, о каких не имеют и понятия в других странах. Были также поданы в изобилии прохладительные напитки, куда более вкусные, чем самые лучшие вина.

В то время как царица вкушала яства, нежась на ложе из роз, четыре павлина или павы, по счастью, немые, оведали ее своими блистающими крыльями. Двести птиц, сто пастухов и сто пастушек исполняли концерт. Соловьи, канарейки, малиновки, зяблики вместе с пастушками вели первую партию, пастухи исполняли партии альтов и басов, а в общем, все было прекрасно и естественно, как сама природа. Царица признала, что если Вавилон блистал большей роскошью, то у гангаридов природа была в тысячу раз пленительнее. Но пока звучала утешительная и ласкающая слух музыка, царица плакала.

– Пастухи и пастушки, соловьи и канарейки наслаждаются любовью, а я в разлуке с гангаридом – героем, достойным предметом моих самых нежных и страстных мечтаний. – Так говорила она своей служанке Ирле.

В то время как она ужинала и то восхищалась, то плакала, Феникс говорил матери Амазана:

– Госпожа моя, вы не можете отказать в свидании вавилонской царице. Вы знаете...

– Я знаю все, вплоть до ее приключения в гостинице по дороге в Бассору. Сегодня утром мне обо всем рассказал черный дрозд. Этот жестокий дрозд виноват в том, что мой сын, обезумев от отчаяния, покинул отчий дом.

– А было ли вам известно, что царица воскресила меня?

– Нет, дорогое дитя, дрозд мне сказал, что вы умерли, и я была неутешна. Меня так расстроили ваша смерть, кончина моего мужа, внезапный отъезд сына, что я закрыла для всех двери своего дома. Но так как вавилонская царица оказала мне честь посетить меня, то скорее зовите ее сюда. Мне необходимо сообщить ей очень важные известия. Прошу и вас присутствовать при этом свидании...

И она тотчас же направилась в соседний покой, навстречу царице.

Мать Амазана двигалась с трудом – ей было уже около трехсот лет, но красота ее еще не совсем поблекла. Лет в двести тридцать – двести сорок она, видимо, была ослепительно хороша.

Формозанту она приняла почтительно и с достоинством; ее сочувствие и печаль произвели на царицу сильное впечатление.

Формозанта прежде всего выразила ей соболезнование по случаю кончины ее супруга.

– Увы, – ответила мать Амазана, – его смерть касается вас гораздо

больше, чем вы думаете.

– Конечно, я очень огорчена, – ответила Формозанта, – ведь он был отцом... – Сказав это, она заплакала. – Только ради него спешила я сюда, подвергаясь множеству опасностей, ради него покинула отца и самый блестящий в мире двор. Царь Египта, которого я ненавижу, похитил меня. Ускользнув от этого насильника, я пролетела огромное пространство, чтобы увидеть того, кого люблю. Я здесь, и что же? Он бежит от меня!

Слезы и рыдания пресекли ее речь.

Тогда заговорила мать Амазана:

– Ваше высочество, когда царь Египта задержал вас и вы ужинали с ним по дороге в Бассору, когда вы вашими прекрасными руками наливали ему ширазское вино, не заметили ли вы порхающего по комнате черного дрозда?

– Приметила, но тогда не обратила на него внимания, а сейчас припоминаю очень отчетливо: когда фараон встал из-за стола, чтобы поцеловать меня, этот дрозд, пронзительно чирикая, вылетел в окно и уже не возвращался.

– Увы, сударыня! – сказала мать Амазана. – Это послужило причиной всех ваших несчастий. Мой сын послал этого дрозда, для того чтобы тот разузнал, как вы себя чувствуете и что происходит в Вавилоне, рассчитывая скоро возвратиться туда, пасть к вашим ногам и посвятить вам всю свою жизнь. Вы и представить себе не можете, как пламенно он вас обожает. Все гангариды умеют любить и хранить верность, но мой сын самый страстный и самый постоянный из них. Дрозд увидел вас в гостинице: вы весело пировали с фараоном и с каким-то гнусным жрецом. Он заметил наконец, как вы нежно поцеловали того самого царя, который убил Феникса и к которому мой сын питает непреодолимое отвращение. Увидев это, дрозд почувствовал справедливое негодование и улетел, проклиная вашу злосчастную склонность к фараону. Сегодня он вернулся сюда и все рассказал, но, – о небо! – он прилетел в тот час, когда мы с сыном оплакивали смерть его отца, смерть Феникса, в тот час, когда Амазан узнал от меня, что приходится вам троюродным братом.

– Силы небесные! Мой троюродный брат! Возможно ли это? Каким образом? О, как я счастлива! И как несчастна – ведь я его оскорбила!

– Сын мой – ваш троюродный брат, – продолжала мать, – и я докажу вам это. Но, обретя родственницу, я потеряла сына. Ему не пережить горя, причиненного поцелуем, который вы подарили царю Египта.

– О тетушка! – воскликнула прекрасная Формозанта. – Клянусь вашим сыном и великим Оромаздом, этот злосчастный поцелуй отнюдь не был

изменой, он был самым неопровержимым доказательством любви, какое я могла дать вашему сыну. Ради Амазана я послушалась отца; ради него совершила путь от Евфрата до Ганга. Будучи захвачена недостойным царем Египта, я лишь обманным путем смогла бежать. Призываю в свидетели прах и душу Феникса, которые были в то время в моем кармане! Он может подтвердить, что я невиновна. Но каким образом сын ваш, рожденный на берегах Ганга, мог оказаться моим родственником, когда наш род уже столько веков царствует на берегах Евфрата?

– Знаете ли вы, – сказала почтенная гангаридка, – что ваш двоюродный дед Алдей был вавилонским царем и что его сверг с престола отец Бела?

– Да, я это знаю.

– А известно вам, что его сын имел рожденную в законном браке дочь, царевну Алдею, воспитанную при вашем дворе? Вот этот-то царь, преследуемый вашим отцом, бежал в нашу благословенную страну, где скрывался под чужим именем. Он стал моим супругом, у нас родился сын Алдей-Амазан, самый прекрасный, самый сильный, самый неустрашимый, самый добродетельный из смертных, а ныне самый безумный. Он отправился на празднество в Вавилон, наслышавшись о вашей красоте. С той поры он боготворит вас, и, быть может, я никогда больше не увижу сына.

Она разложила перед царевной все грамоты, подтверждающие знатность рода Алдеев. Формозанта еле удостоила их взглядом.

– Ах, – воскликнула она, – как можно бесстрастно исследовать то, что любишь! Сердце мое верит вам. Но где Алдей-Амазан? Где мой родственник, мой возлюбленный, мой царь? Где жизнь моя? Куда направил он стопы свои? Я буду искать его на всех планетах вселенной, самым прекрасным украшением которых он является. Я буду искать его на звезде Каноп, на звездах Шит и Альдебаран. Я докажу ему и свою любовь, и свою невиновность.

Феникс подтвердил невиновность царевны в преступлении, якобы совершенном ею, по утверждению дрозда, то есть в том, что она с любовью поцеловала фараона; но необходимо было переубедить в этом Амазана и вернуть его домой. Феникс разослал во все концы птиц и единорогов, и наконец ему донесли, что Амазан отправился в Китай.

– Едем же в Китай! – воскликнула царевна. – Путь туда недолог... Не позже, чем через две недели, я надеюсь возвратить вам сына.

Как плакали, расставаясь, мать гангариды и вавилонская царевна, сколько поцелуев, сколько сердечных излияний!

Феникс тут же приказал заложить в карету шесть единорогов. Мать

Амазана предоставила царевне-племяннице охрану в двести всадников и подарила ей несколько тысяч лучших местных алмазов. Феникс, огорченный злом, которое принесла болтливость дрозда, распорядился изгнать из страны всех черных дроздов, и с той поры они уже не водятся на берегах Ганга.

Единороги менее чем за неделю домчали Формозанту, Ирлу и Феникса в Камбалу – столицу Китая. Город этот был обширней Вавилона, и его великолепие было совсем иного рода. Своеобразие обстановки и своеобразие нравов позабавили бы Формозанту, не будь она так поглощена мыслями об Амазане.

Едва лишь китайский император узнал, что к одним из ворот столицы приближается вавилонская царевна, как тотчас же выслал ей навстречу четыре тысячи мандаринов, облаченных в парадные одежды. Все они простерлись перед царевной, и каждый преподнес ей приветствие, начертанное золотыми буквами на свитках алого шелка. Формозанта сказала им, что, будь у нее четыре тысячи языков, она, конечно, тут же ответила бы каждому мандарину в отдельности, но, имея всего лишь один, она просит у мандаринов прощения за то, что поблагодарит их всех вместе.

Мандарины почтительно проводили ее к императору.

Это был самый справедливый, самый вежливый, самый мудрый правитель на земле ^[21]. Он первый из всех владык своими царственными руками обработал небольшое поле, дабы внушить народу уважение к земледелию. Он первый ввел награды за добродетель, тогда как во всех других странах законы постыдно ограничивались лишь наказанием за преступления. Этот же император только что изгнал из империи шайку чужеземных бонз ^[22], прибывших с запада в безрассудной надежде заставить весь Китай мыслить, как они, и, под предлогом провозвестия истины, уже успевших нажить богатства и приобрести влияние.

Вот, увековеченные в летописях страны, подлинные слова, которые произнес император, изгоняя этих иноземцев: «Вы могли бы посеять здесь столько же зла, сколько посеяли в других местах. Вы прибыли проповедовать догматы нетерпимости самому веротерпимому народу на земле. Я вас изгоняю, чтобы не быть когда-нибудь вынужденным покарать. Вас с почетом проводят до границ моей империи, снабдив всем необходимым, чтобы вы могли спокойно возвратиться в пределы того полушария, откуда вы прибыли. Идите с миром, если можете пребывать в мире, и больше сюда не возвращайтесь».

Царевна вавилонская с радостью узнала об этом приговоре и этих словах. Теперь она была более уверена в благосклонном приеме при дворе, поскольку сама отличалась большой веротерпимостью. Китайский

император, обедая с ней вдвоем, был так учтив, что отменил все стеснительные церемонии этикета. Царевна представила ему Феникса, которого император обласкал. Птица села на спинку его кресла. В конце обеда Формозанта доверчиво поведала ему о цели своего приезда и попросила дать приказ найти в Камбалу прекрасного Амазана, о злоключениях которого рассказала, не утаив также своей роковой страсти к юному герою.

– Я его отлично знаю! – воскликнул китайский император. – Пленительный Амазан приехал в мою столицу, чем доставил мне большое удовольствие. Он очаровал меня своей учтивостью. Правда, он очень печален, но прелесть его от этого еще трогательнее. Ни один из моих приближенных не сравнится с ним по уму, ни один мандарин судейского сословия не обладает столь обширными познаниями, ни один мандарин военного звания не отличается столь мужественной и героической внешностью, как он. Его молодость лишь повышает цену его талантов. Будь я столь ничтожен и столь покинут Тянь и Шанди [\[23\]](#), что мной овладела бы страсть к завоеваниям, я попросил бы Амазана стать во главе моих войск и не сомневался бы, что одержу победу над всей вселенной. Очень жаль, что горе иногда мутит его разум.

– Ах, ваше величество, – с глубокой печалью, душевным волнением и укором воскликнула, залившись румянцем, Формозанта, – почему же вы не пригласили Амазана к обеду? Позовите его скорее, или я умру от горя.

– Ваше высочество, он уехал сегодня утром и не сказал, в какие края направляет свой путь.

Формозанта обратилась к Фениксу:

– О Феникс! Видели ли вы когда-нибудь девушку несчастнее меня? Но, ваше величество, – продолжала она, – почему решился он покинуть так неожиданно столь гостеприимный двор, как ваш, при котором, мне кажется, каждый пожелал бы остаться на всю жизнь?

– Произошло следующее, ваше высочество: одна из самых очаровательных китайских царевен влюбилась в него и назначила ему в полдень свидание у себя. А он уехал на рассвете, оставив моей родственнице письмо, над которым она пролила немало слез: «Прекрасная китайская царевна, вы заслуживаете сердца, которое до вас никогда и никого не любило. Я же дал клятву бессмертным богам любить вечно одну Формозанту, вавилонскую царевну, и научить ее, как обуздывать свои страсти во время путешествий. Она имела несчастье прельститься недостойным фараоном египетским. Я несчастнейший из людей. Я утратил отца, и Феникса, и надежду быть любимым Формозантой. Я покинул

угнетенную горем мать и отчизну, ибо не мог оставаться там, где узнал, что Формозанта любит другого. Я поклялся объехать весь мир и при этом сохранить верность своей любви. Вы питали бы ко мне презрение и боги покарали бы меня, нарушь я свою клятву. Изберите себе другого возлюбленного, ваше высочество, и будьте так же верны, как я».

– Ах, отдайте мне это достойное удивления письмо, оно будет моим утешением! – воскликнула прекрасная Формозанта. – В моем несчастье я все же счастлива. Амазан любит меня! Ради меня Амазан отвергает любовь китайских царевен. На всем земном шаре только он один способен одержать над собой такую победу. Он подает мне великий пример верности, но Феникс знает, что я в примере не нуждаюсь. Как жестоко лишиться возлюбленного из-за самого невинного поцелуя, который я дала, движимая лишь желанием сохранить верность. Но все же куда он поехал? Какой избрал путь? Благоволите разъяснить это мне – и я еду!

Китайский император ответил, что, судя по полученным сведениям, ее возлюбленный направился в страну скифов. Тотчас же запрягли единорогов, и царица, сердечно распрощавшись с императором, двинулась в путь в сопровождении Феникса, служанки Ирлы и всей свиты.

Прибыв в Скифию, она яснее чем когда-либо увидела, насколько люди и правительства отличаются и всегда будут отличаться друг от друга до той поры, пока какой-нибудь народ, более просвещенный, чем остальные, не передаст из рук в руки светоч знания после тысячелетней тьмы невежества и в варварских странах не появятся героические души, сильные и упорные, которые смогут превратить скотов в людей. В Скифии не было городов, а следовательно, и никаких изящных искусств. Кругом простирались лишь обширные степи, и целые племена жили в палатках или повозках. Это зрелище внушало ужас. Формозанта спросила, в какой палатке или повозке обитает царь. Ей ответили, что неделю назад он, во главе трехсот тысяч всадников, двинулся в поход против вавилонского царя, у которого похитил племянницу, прекрасную царевну Алдею.

– Он похитил мою троюродную сестру! – воскликнула Формозанта. – Вот неожиданная новость! Как! Моя кузина, которая почитала за счастье прислуживать мне, теперь царица, а я еще не замужем!

И она приказала немедленно проводить ее в палатку царицы.

Неожиданная встреча в столь отдаленной стране, необычайные новости, которыми они поделились, придали этому свиданию душевность и заставили их забыть, что они никогда не любили друг друга. Они встретились радостно. Истинную нежность заменила сладостная иллюзия. Они обнимались, проливая слезы, и между ними

воцарилась даже дружеская непринужденность и откровенность, так как это происходило не во дворце.

Алдея узнала Феникса и доверенную служанку Ирлу. Она подарила кузине собольи меха, а та подарила ей алмазы. Говорили о войне между царями Скифии и Вавилона, оплакивали участь тех, кого монархи по своей прихоти посылают уничтожать друг друга из-за распрей, с которыми двое порядочных людей могли бы покончить в час. Но главным образом говорили о прекрасном чужестранце, победителе льва, дарителе самых крупных в мире алмазов, авторе мадригала, владельце птицы Феникс, ставшем по вине черного дрозда несчастнейшим из людей.

– Это мой дорогой брат! – говорила Алдея.

– Это мой возлюбленный! – восклицала Формозанта. – Вы, разумеется, видели его? Может быть, он еще здесь? Ибо он ведь знает, кузина, что он ваш брат, и не покинет вас так внезапно, как покинул китайского императора.

– О, боги! Видела ли я его! – воскликнула Алдея. – Он прожил у меня четыре дня. Ах, кузина, как несчастен мой брат! Ложный донос совершенно свел его с ума. Он скитается по свету, не ведая, куда несут его ноги. Вообразите, безумие настолько овладело им, что он отверг любовь самой прекрасной женщины в Скифии. Он уехал вчера, оставив ей письмо, которое привело ее в отчаяние. Теперь он направился к киммерийцам [\[24\]](#).

– Хвала божеству! – воскликнула Формозанта. – Еще одно отречение, и все из-за меня! Счастье мое превысило мои надежды, как несчастье – мои опасения. Отдайте мне это чудесное письмо, и я уеду, я последую за ним, свято храня свидетельства его верности. Прощайте, кузина, Амазан у киммерийцев, лечу туда и я.

Алдея нашла, что царица Формозанта, ее кузина, еще более безумна, чем Амазан, но так как она сама недавно пережила приступ той же болезни, отказавшись ради скифского царя от блеска и услад вавилонского двора, и так как женщины всегда сочувствуют безрассудству, причина которого – любовь, то она искренне растрогалась, пожелала Формозанте счастливого пути и обещала содействовать ее любви, если когда-нибудь ей улыбнется счастье новой встречи с братом.

Вскоре царица вавилонская и Феникс приехали в империю киммерийцев, правда, значительно менее населенную, чем Китай, но вдвое превосходящую его размерами, когда-то ничем не отличавшуюся от Скифии, но с некоторых пор ставшую такой же цветущей, как государства, которые чванятся тем, что просвещают другие страны.

После нескольких дней пути Формозанта прибыла в большой город, украшению которого способствовала царствующая императрица [25]. Ее в городе не было: она в ту пору объезжала страну [26] от границ Европы до границ Азии, желая собственными глазами увидеть своих подданных, узнать об их нуждах, найти средства помочь им, умножить благосостояние, распространить просвещение.

Один из главных сановников этой древней столицы [27], уведомленный о прибытии вавилонянки и Феникса, поспешил устроить царице торжественную встречу, уверенный, что его государыня, самая любезная и самая блестящая из цариц, будет ему благодарна за то, что он оказал столь высокой особе те же почести, какие оказала бы она сама.

Формозанте отвели покои во дворце, от которого отогнали докучливую толпу. В ее честь устраивали затейливые празднества. Когда царица удалялась в свои покои, киммерийский вельможа – великий знаток естественных наук – много беседовал с Фениксом, который поведал ему, что когда-то уже побывал в стране киммерийцев и что теперь этой страны не узнать.

– Каким образом в столь короткий срок совершились такие благодетельные перемены? – удивлялся он. – Не минуло еще и трехсот лет с тех пор, как здесь во всей своей свирепости господствовала дикая природа, а ныне царят искусства, великолепие, слава и утонченность.

– Мужчина положил начало этому великому делу, – ответил киммериец, – а продолжила его женщина. Эта женщина оказалась лучшей законодательницей, чем Изида египтян и Церера [28] греков. Большинство законодателей обладало мыслью ограниченной и деспотической, замкнувшей их кругозор пределами той страны, которой они управляли. Каждый рассматривал свой народ как единственный на свете или же как народ, обреченный жить во вражде с другими. Эти законодатели создавали учреждения каждый только для своего народа, вводили обычаи только для

него одного и только для него одного придумывали религию. Вот почему египтяне, столь прославленные своими нагромождениями камней, опустились до скотского состояния и опозорили себя варварскими суевериями. Они смотрят на остальные народы как на невежд, они не вступают с ними в сношения, и, за исключением царского двора, который иногда пренебрегает низменными предрассудками, вы не встретите ни одного египтянина, который согласился бы есть из того же блюда, каким пользовался чужестранец. Их жрецы жестоки и тупы. Лучше совсем не иметь законов и следовать только велению природы, запечатлевшей в сердцах наших понятие добра и зла, чем подчинять общество столь диким законам.

Наша императрица преследует совершенно иные цели. Она рассматривает свое обширное государство, которое обнимает все меридианы, как существующее для всех народов, живущих на этих меридианах. Первым законом, изданным ею, был закон о свободе вероисповеданий и терпимости ко всякого рода заблуждениям. С присущей ей гениальностью она поняла, что если вероисповедания различны, то законы нравственности повсюду одинаковы. Руководясь этим убеждением, она породнила свой народ с народами всего мира, и киммерийцы относятся к скандинавам и китайцам, как к братьям. Она сделала больше: пожелала, чтобы эта драгоценная веротерпимость, это основное звено, связующее людей, утвердилось бы и у ее соседей ^[29]. Таким образом, она заслужила имя матери своего народа и заслужит имя благодетельницы рода человеческого, если будет настойчиво преследовать свою цель.

До нее люди, к сожалению, облеченные властью, посылали орды убийц грабить неизвестные племена и обагрять их кровью земли, доставшиеся им от предков. Этих убийц называли героями, а разбой венчали славой. Наша государыня прославлена иным: она посылает свои войска, чтобы водворять мир, чтобы препятствовать людям причинять друг другу зло, чтобы заставлять их относиться друг к другу терпимо, и ее знамена – это знамена всеобщего умиротворения.

Восхищенный всем услышанным, Феникс сказал: – Сударь, я живу на свете двадцать семь тысяч девятьсот лет и семь месяцев, но никогда не приходилось мне видеть ничего подобного тому, о чем вы рассказываете.

Он спросил, известно ли вельможе что-нибудь о его друге Амазане. Киммериец рассказал то же самое, что рассказывали царевне у скифов и в Китае. Едва лишь какая-нибудь придворная дама назначала Амазану свидание, как он, боясь уступить ее домогательствам, покидал очередной императорский двор. Феникс поторопился сообщить Формозанте об этом

новом доказательстве постоянства ее возлюбленного, постоянства тем более примечательного, что, по убеждению Амазана, царевна так никогда и не узнает об этом.

Он отбыл в Скандинавию. В этой стране Амазана поразили картины, до сей поры им не виданные. Тут королевская власть и свобода не враждовали между собой [30] – их связывал союз, немыслимый в других государствах [31]. Земледельцы принимали участие в законодательстве наравне с вельможами, а юный правитель [32] подавал блестящие надежды на то, что он станет достойным главой свободной страны. Но еще удивительнее было то, что единственный король, который являлся самым неограниченным властелином на земле в силу договора со своим народом, был одновременно и самым молодым и самым справедливым.

У сарматов Амазан застал на троне философа [33]. Его можно было назвать «королем анархии», ибо он являлся главою сотни мелких правителей, из которых каждый мог одним словом отменить решение всех остальных. Этому легче было управлять непрестанно спорящими между собой ветрами, чем этому монарху примирять все противоречивые стремления. Он был словно кормчий, чей корабль несется по разбушевавшемуся морю и меж тем не разбивается. Король был превосходным кормчим.

Проезжая эти страны, столь отличные от его родины, Амазан упорно бежал вставших на его пути соблазнов, ибо, постоянно терзаясь мыслью о поцелуе, подаренном Формозантой фараону, он все больше укреплялся в своем поразительном намерении показать царевне пример верности, неколебимой и вечной.

Царевна и Феникс следовали за ним по пятам, отставая лишь на один-два дня. Он был неутомим в своем стремлении вперед, она – в стремлении нагнать его.

Так пересекли они всю Германию, восхищаясь успехами разума и философии в северных краях. Властители там были просвещенные и поощряли свободу мысли. Их воспитание отнюдь не доверялось людям, которые по непониманию или из корысти вводили бы будущих монархов в обман. Они с молодых ногтей уважали нравственные правила и презирали суеверия. Во всех этих государствах был уничтожен бессмысленный обычай, ослаблявший и приводивший к вымиранию многие южные страны, – обычай погребать заживо в обширных узилищах [34] множество людей обоюбого пола, навеки разлучая их друг с другом, ибо несчастных вынуждали дать клятву, что они никогда не будут общаться между собой.

Это ужасное безумие, веками поощряемое, опустошало землю не меньше, чем самые жестокие войны.

Северные правители поняли наконец, что если хочешь, чтобы конный завод процветал, то не следует отделять самых сильных жеребцов от кобылиц. Северяне уничтожили также и другие не менее странные и не менее вредные заблуждения. Наконец-то люди на этих бесконечных просторах осмелились стать разумными, тогда как в других странах еще держались убеждения, будто народами можно управлять лишь до тех пор, пока они тупоголовы.

Амазан приехал в Батавию [35]. Его омраченная печалью душа все же испытала сладостное чувство, когда он увидел страну, отдаленно напоминавшую счастливый край гангаридов: свобода, равенство, опрятность, изобилие, веротерпимость. Но женщины там были столь холодны, что ни одна из них не попыталась, как это было повсюду, прельстить его. Ему не пришлось проявить стойкость. Если бы он обратил внимание на этих дам, то легко покорил бы их одну за другой, не будучи любим ни одной. Но он далек был от мысли о победах над сердцами.

Когда Амазан жил среди этого бесцветного народа, Формозанта чуть было не настигла его. Она опоздала, можно сказать, всего лишь на мгновение.

В Батавии Амазану так расхвалили некий остров Альбион, что он решил погрузиться вместе со своими единорогами на корабль, который, подгоняемый попутным восточным ветром, за четыре часа доплыл до берегов этой земли, более прославленной, нежели Тир и остров Атлантида.

Прекрасная Формозанта, следовавшая за ним берегом Двины, Вислы, Эльбы и Везера, добирается наконец до устья Рейна, вливавшего тогда свои быстрые воды в Немецкое море.

Она узнает, что ее дорогой возлюбленный поплыл к берегам Альбиона. Ей кажется, что вдали еще мелькает его корабль. Она не в силах сдержать радостных восклицаний, вызывающих изумление женщин Батавии, которые не представляют себе, что молодой человек может явиться причиной такого восторга. Что же касается Феникса, то на него они не обращали никакого внимания, считая, что его перья меньше годятся на продажу, чем перья гусей или местных болотных птиц. Царевна вавилонская наняла или зафрахтовала два корабля, которые должны были перевезти ее со свитой на тот счастливый остров, чьим гостем вскоре станет единственный предмет ее желаний, дыхание ее жизни, кумир ее сердца.

В то самое мгновение, когда верный и несчастный Амазан уже вступал на берег Альбиона, вдруг, на беду, подул западный ветер. Суда вавилонской царевны не смогли отплыть. Глубокая печаль, горькая тоска, тяжкая скорбь охватили Формозанту. Горюя, легла она в постель; она надеялась, что ветер вот-вот переменится, но он дул с неистовой яростью целую неделю, и всю эту неделю, которая показалась царевне столетием, Ирла читала ей вслух

романы. Это не значит, что батавцы умели их писать, но, будучи всемирными посредниками, они точно так же торговали мыслями других народов, как и их товарами. Царевна приказала купить у Марка-Мишеля Рея [\[36\]](#) все сказки, написанные в странах авзонов и вельхов [\[37\]](#), где распространение этих сказок было мудро воспрещено с целью обогатить Батавию. Царевна надеялась отыскать в книгах что-нибудь похожее на ее злоключения и тем усыпить свое горе. Ирла читала, Феникс высказывал свое мнение, а царевна не находила ни в «Удачливой крестьянке» [\[38\]](#), ни в «Софе» [\[39\]](#), ни в «Четырех Факарденах» [\[40\]](#) ничего, хоть отдаленно напоминавшего ее собственную жизнь. Она ежеминутно прерывала чтение, спрашивая, откуда дует ветер.

Тем временем Амазан в карете, запряженной шестеркой единорогов, уже подъезжал к столице Альбиона, грезя о царевне. Вдруг он заметил экипаж, съехавший в канаву. Слуги разбежались в поисках помощи, а сам хозяин спокойно сидел в экипаже, не выказывая ни малейшего нетерпения, и тешил себя курением, ибо в то время уже курили. Его звали милорд What-then, что в переводе на тот язык, на который я перекладываю эту историю, означает приблизительно милорд «Ну-и-что-ж».

Амазан поспешил ему на выручку. Он поднял экипаж без посторонней помощи – настолько сила его превосходила силу других людей.

Милорд Ну-и-что-ж ограничился тем, что сказал:

– Вот так силач!

Приведенные слугами крестьяне обозлились на то, что их напрасно потревожили, и накинулись на чужеземца. Они поносили его, обзывая «чужеземным псом», и хотели отколотить.

Амазан схватил каждой рукой двоих и отбросил на двадцать шагов. Остальные преисполнились к нему почтением, стали кланяться и просить на водку. Он дал им денег больше, чем они когда-либо видели. Милорд Ну-и-что-ж сказал:

– Вы внушаете мне уважение. Пообедайте со мной в моем загородном доме, он отсюда всего в трех милях.

Он сел в карету Амазана, так как его собственный экипаж был поломан.

Помолчав четверть часа, милорд взглянул на Амазана и спросил:

– How do you do – то есть в буквальном переводе: «Как делаете вы делать?» – а по смыслу: «Как вы поживаете?» – что на любом языке ровно ничего не означает. Затем он добавил: – У вас прекрасная шестерка единорогов. – И продолжал курить.

Амазан сказал, что единороги к услугам милорда, что он приехал из страны гангаридов, и, воспользовавшись случаем, стал рассказывать о царевне вавилонской и роковом поцелуе, подаренном ею фараону Египта. На все это милорд не ответил, так как ему не было никакого дела ни до египетского фараона, ни до вавилонской царевны. Протекло еще четверть часа в молчании, после чего он снова осведомился у своего спутника: «Как он делает делать», – и едят ли в стране гангаридов сочный ростбиф. С присущей ему вежливостью путешественник ответил, что на берегах Ганга

не принято есть своих братьев, и изложил учение, ставшее спустя много столетий учением Пифагора, Порфирия и Ямвлиха [\[41\]](#). Милорд тем временем заснул и проспал до тех пор, пока не подъехали к дому.

Он был женат на прелестной молодой женщине, которую природа одарила столь же впечатлительной и чуткой душой, сколь равнодушной ко всему была душа ее мужа. В этот день к ней на обед съехались несколько вельмож Альбиона, люди самого разного нрава, так как страной почти всегда управляли иностранцы, и приехавшие с этими правителями знатные семейства привезли с собой и самые разнообразные обычаи. Среди собравшихся были и очень учтивые люди, и люди возвышенного ума, и люди ученые.

Хозяйка дома не была ни застенчивой, ни неуклюжей, ни чопорной, ни жеманной, в чем упрекали в ту пору молодых женщин Альбиона. Она отнюдь не прикрывала надменной осанкой и напускной сдержанностью отсутствие мыслей, а неловкостью и смущением – неспособность их выразить. Не было женщины пленительнее, чем она. Миледи приняла Амазана с присущей ей любезностью и приветливостью. Исключительная красота юного иностранца и разительное несходство с ее супругом, которое она невольно подметила, сильно взволновали ее.

За обедом она усадила Амазана рядом с собой и потчевала его всевозможными пудингами, зная с его слов, что гангариды не едят тех, кто получил от творца священный дар жизни.

Красота Амазана, его мужественность, нравы гангаридов, расцвет искусств, религия и образ правления в их странах – вот что являлось предметом приятной и содержательной беседы во время обеда, затянувшегося до ночи, в продолжение которого милорд Ну-и-что-ж много выпил и не произнес ни слова.

После обеда, в то время как миледи разливала чай, пожирая глазами юношу, он беседовал с членом парламента, – ибо всякому известно, что еще тогда существовал парламента, именованный Витенагемот [\[42\]](#), что означает «Собрание умных людей». Амазан расспрашивал о конституции, о нравах, о законах, об армии, обычаях, искусствах – обо всем, что делало эту страну столь заслуживающей внимания. И собеседник рассказал ему следующее:

– Мы долгое время ходили голые, хотя климат отнюдь не располагал к этому. К нам долго относились как к рабам люди, которые явились из древней страны Сатурна [\[43\]](#), омываемой водами Тибра. Но мы сами принесли себе гораздо больше зла, чем наши первые завоеватели. Один из

наших королей [44] до того унизился, что объявил себя подданным священнослужителя, обитавшего тоже на берегах Тибра и прозванного «Старцем семи холмов» [45]. Этим «семи холмам» суждено было долгое время владычествовать над большей частью Европы, населенной в ту пору варварами.

После времен унижения наступили века жестокости и анархии. Междоусобицы опустошили и залили кровью нашу землю, где свирепствовали бури, более жестокие, чем на омывающих ее морях. Несколько венценосцев были казнены [46]. Более ста принцев крови окончили жизнь на эшафоте [47]. Всем их приверженцам вырвали сердца и хлестали их этими сердцами по лицам. Историю нашего острова должен был бы писать палач, ибо все великие дела заканчивала его рука.

В довершение ужасов недавно несколько человек, одни в черных плащах, другие в белых рубахах, надетых поверх курток, будучи укушены бешеными собаками, заразили бешенством всю страну [48]. Ее граждане стали либо убийцами, либо жертвами, либо палачами, либо мучениками, либо хищниками, либо рабами, – все это во имя неба и в поисках бога.

Кто мог бы поверить, что из этой страшной бездны, из этого хаоса распрей, свирепости, невежества и фанатизма возникнет в конце концов самый, быть может, совершенный в мире образ правления? Почитаемый и богатый король, могущественный, когда речь идет о благих делах, и лишенный прав совершать злые дела, стоит во главе свободного, воинственного, предприимчивого и просвещенного народа. Люди знатные, с одной стороны, представители городских сословий – с другой, разделяют с монархом законодательную власть.

Мы убедились, что, по роковому стечению обстоятельств, стоило королям добиться неограниченной власти, как неурядицы, гражданские войны, анархия и нищета начинали раздирать страну. Спокойствие, богатство, общее благосостояние воцарялись у нас лишь тогда, когда государи отрекались от неограниченной власти. Все становилось вверх дном, когда разгорались споры о предметах невразумительных, и все опять приходило в порядок, когда на них переставали обращать внимание. Теперь наш победоносный флот прославляет нас по всем морям. Законы охраняют наши богатства: судья не может истолковать их произвольно или вынести приговор, не имея на то веских оснований. Мы как убийц покарали бы тех судей, которые осмелились бы приговорить к смерти гражданина, не приведя доказательств, уличающих его, и закона, карающего это преступление.

Правда, у нас все еще существуют две партии [\[49\]](#), ведущие борьбу с помощью пера и интриг; но они неизменно объединяются, когда надо с оружием в руках защищать родину и свободу. Обе эти партии бдительно следят друг за другом и не позволяют одна другой осквернять священную сокровищницу законов. Они ненавидят друг друга, но любят отчизну. Это ревнивые влюбленные, которые как нельзя лучше служат одной и той же владычице.

Благодаря тем же разумным основаниям, которые помогли нам понять и отстаивать права человеческой природы, мы подняли науки на такую высоту, какой они только способны достигнуть у людей. Ваши египтяне, которые слышат столь великими механиками, ваши индусы, которых почитают столь мудрыми философами, ваши вавилоняне, похваляющиеся тем, что в продолжение четырехсот тридцати тысяч лет наблюдали движение небесных светил, греки, вложившие в такое множество слов так мало мыслей, – все они решительно ничего не знают по сравнению с любым нашим школьником, изучающим открытия наших великих ученых. В течение одного столетия мы вырвали у природы больше тайн, чем род человеческий за бесчисленные века.

Таково сейчас положение вещей. Я не утаил от вас ничего – ни хорошего, ни дурного, ни наших падений, ни нашей славы, и ничего не преувеличил.

Слушая эти речи, Амазан почувствовал сильное желание познать все высокие науки, о которых ему рассказали. И если бы его истерзанным сердцем не владела столь безраздельно страсть к вавилонской царевне, сыновняя почтительная привязанность к покинутой им матери и любовь к отчизне, он всю свою жизнь прожил бы на острове Альбионе. Но роковой поцелуй, подаренный его царевной египетскому фараону, так затемнил ему разум, что мешал погрузиться в науку.

– Признаюсь, – сказал он, – что, решив странствовать по свету и бежать от самого себя, я охотно посетил бы древнюю землю Сатурна, этот народ, живущий на берегах Тибра и на семи холмах, которому вы некогда подчинялись. Должно быть, это самый совершенный народ на всем земном шаре.

– Советую вам предпринять это путешествие, – сказал альбионец, – особенно если вы любите музыку и живопись. Мы сами очень часто ездим туда развезать нашу хандру. Но вы будете немало удивлены, увидев потомков наших завоевателей.

Беседа их была длительной. Хотя прекрасный Амазан был слегка поврежден в рассудке, однако он говорил так приветливо и таким за душу

берущим голосом, держался так благородно и мило, что хозяйка дома, в свою очередь, захотела поговорить с ним наедине. Беседуя, она нежно пожимала ему руку, глядела на него влажными блестящими очами, выдававшими ее чувства. Она пригласила его к ужину и оставила ночевать в замке. Каждое мгновение, каждое слово, каждый взгляд разжигали в ней страсть. Как только все удалились, она написала ему записку, не сомневаясь, что он придет разделить с ней ложе, в то время как милорд Ну-и-что-ж будет поживать у себя. Но Амазан и на этот раз нашел в себе силы устоять. Таково чудотворное действие крупницы безумия на сильную и глубоко оскорбленную душу.

Амазан, по своему обыкновению, послал даме почтительный ответ, в котором объяснял, как священна его клятва и неукоснителен долг научить царевну вавилонскую владеть своими страстями. Затем, приказав запрячь единорогов, он вернулся в Батавию, повергнув своих новых знакомцев в изумление, а хозяйку дома в отчаяние. От полного расстройства чувств она забыла спрятать письмо Амазана. На следующее утро милорд Ну-и-что-ж нашел и прочел его.

– Вот ерунда! – сказал он, пожав плечами, и отправился с несколькими пьяницами-соседями охотиться на лисиц.

Амазан между тем уже плыл по морю, снабженный географической картой, которую подарил ему ученый альбионец, беседовавший с ним у милорда Ну-и-что-ж. Он удивленно взирал на огромное земное пространство, уместившееся на маленьком клочке бумаги.

Его взгляд и воображение блуждали по этому маленькому листку. Он видел Рейн, Дунай, Тирольские Альпы, обозначенные в ту пору другими именами, видел все страны, которые ему надлежало проехать, чтобы достичь города на семи холмах. Но всего пристальнее рассматривал он страну гангаридов, Вавилон, где повстречал свою дорогую царевну, и роковую Бассору, где она поцеловала фараона. Он вздыхал, он лил слезы, но признавал, что альбионец, подаривший ему землю в столь уменьшенном виде, не ошибался, утверждая, что люди на берегах Темзы в тысячу раз образованней, чем на берегах Нила, Евфрата и Ганга.

Пока он возвращался в Батавию, оба судна царевны на всех парусах неслись к Альбиону. Корабль Амазана и корабль Формозанты встретились, почти столкнулись друг с другом. Влюбленные были совсем близко друг от друга, но даже не подозревали об этом. Ах, если бы они только знали! Но властный рок этого не допустил.

Высадившись на низком илистом берегу Батавии, Амазан быстрее стрелы помчался к городу на семи холмах. Ему пришлось пересечь южную часть Германии. Тут каждые четыре мили была новая страна с принцами и принцессами, придворными дамами и нищими. Его удивляло, что повсюду высокородные дамы и их фрейлины с чисто германским простодушием заигрывали с ним. Он скромно отклонял их ухаживания.

Перевалив через Альпы, он поплыл по Далматскому морю и причалил к городу ^[50], который не был похож ни на один из тех, какие он до сих пор видел. В нем море образовывало улицы, а дома поднимались из воды. На немногочисленных площадях этого города кишели толпы двуликих мужчин и женщин ^[51]: у каждого из них было и собственное, дарованное природой лицо, и накладное из аляповато разрисованного картона. Поэтому казалось, что население состоит из призраков. Приезжавшие в страну иноземцы первым делом покупали себе «лица», как в других странах покупают головные уборы и обувь, Амазан пренебрег этой противоестественной модой и предстал в своем природном обличье. В городе числилось двенадцать тысяч девушек, занесенных в большую книгу республики, которые приносили немалую пользу государству: они вели самую выгодную и самую приятную торговлю из всех, когда-либо обогащавших какую-либо страну. Обычные торговцы с большими затратами и большим риском отправляли свои товары на восток. Эти же очаровательные дамы вели без всякого риска оживленную торговлю своими прелестями. Все они пришли к Амазану, предоставляя ему сделать выбор между ними. Он поспешно скрылся, повторяя имя несравненной царевны вавилонской и клянясь бессмертными богами, что она прелестнее всех двенадцати тысяч венецианок, вместе взятых.

– Прекрасная негодница! – восклицал он в наплыве чувств. – Я научу вас быть верной!

Наконец взорам его предстали желтые воды Тибра, зловонные топи, тощие, изголодавшиеся люди, прикрытые старыми и дырявыми плащами, сквозь которые видна была их иссохшая смуглая кожа, – это означало, что он у врат города на семи холмах, города героев и законодателей, покоривших и цивилизовавших большую часть земного шара.

Он думал, что увидит у триумфальных ворот города пятьсот батальонов под началом героев, а в сенате – собрание полубогов,

диктующих законы миру. Но вместо армии он нашел человек тридцать бездельников, которые стояли на карауле, укрываясь от солнца зонтиками. Зайдя в храм, показавшийся ему прекрасным, хотя и уступающим в красоте храмам Вавилона, он был крайне поражен, услышав мужчин, поющих женскими голосами [\[52\]](#).

– Вот так забавная страна, эта древняя страна Сатурна! – воскликнул он. – Я побывал в городе, где ни у кого нет своего лица, а теперь приехал в другой, где у мужчин нет ни мужского голоса, ни бороды.

Ему объяснили, что эти певцы уже не мужчины, так как их лишили всего мужского, дабы они пели приятными голосами хвалу великому множеству знатных людей. Амазан ровно ничего не понял из их объяснений. Эти господа попросили его спеть, и он, с присущим ему изяществом, исполнил гангаридскую песню. У него был чудесный тенор.

– Ах, синьор, – воскликнули они, – каким дивным сопрано могли бы вы петь, если бы...

– Что – если бы? Что вы хотите этим сказать?

– Ах, синьор!...

– Ну, что же дальше?

– Если бы у вас не было бороды!...

И они весьма забавно, со свойственной им потешной жестикуляцией, объяснили ему, в чем дело.

Амазан был потрясен.

– Я много путешествовал, но никогда не приходилось мне слышать ничего похожего на эту нелепицу, – сказал он.

Когда пение смолкло, Старец с семи холмов, во главе огромной процессии, направился к воротам храма. Он рассек рукою воздух на четыре части, подняв большой палец, протянув других два и согнув два оставшихся, и произнес на языке, на котором давно уже никто не говорил: «Urbi et orbi» [\[53\]](#).

Гангарид не мог понять, как два перста могут достать так далеко.

Затем перед его глазами прошел весь двор владыки мира. То были важные лица, одни – в пурпуровых мантиях, другие – в фиолетовых [\[54\]](#), почти все они умильно поглядывали на Амазана, кланялись ему и говорили друг другу: «San Martino, che bel ragazzo! San Pancratio, che bel fanciullo!» [\[55\]](#)

Усердствующие [\[56\]](#), чье ремесло заключалось в том, что они знакомили иностранцев с достопримечательностями города, поспешили показать ему развалины, в которых отказался бы переночевать даже

погонщик мулов; это были памятники былого величия народа-владыки. Он увидел также картины двухсотлетней давности и статуи, изваянные двадцать веков назад. Они показались ему образцовыми произведениями искусства.

– Создаете ли вы и теперь подобные произведения?

– Нет, ваша светлость, – ответил один из усердствующих, – но мы презираем весь остальной мир на том основании, что у нас сохранились эти редкости. Мы, подобно старьевщикам, заимствуем нашу славу у старых одежд, залежавшихся в кладовых.

Амазан пожелал взглянуть на дворец владыки мира. Его провели туда. Он увидел людей в фиолетовых одеждах, подсчитывающих доходы государства: столько-то со страны, расположенной на Дунае, столько-то с других – на Луаре, Гвадалквивире, Висле.

– Ого! – воскликнул Амазан, взглянув на свою карту. – Я вижу, ваш господин владеет всей Европой, подобно древним героям города на семи холмах.

– Он, согласно божественной воле, должен царить над всей вселенной, – ответил ему человек в фиолетовом. – И даже было время, когда его предшественники почти завершили дело создания вселенской монархии, но потом их преемники по доброте своей стали довольствоваться деньгами, которые короли, их подданные, выплачивают им как дань.

– Значит, ваш господин действительно царь царей? И таков его титул? – спросил Амазан.

– Нет, ваша светлость, его титул – «слуга слуг». Первоначально он был рыбаком и привратником [\[57\]](#), вот почему знаки его достоинства – ключи и сети. Но он при этом повелевает царями. Недавно он отправил сто одно предписание кельтскому королю [\[58\]](#), и тот подчинился.

– Надо полагать, ваш рыбак послал также пятьсот – шестьсот тысяч человек, чтобы заставить выполнить это сто одно предписание?

– О нет, ваша светлость, наш святой повелитель не может оплатить содержание и десяти тысяч солдат. Но ему подчинены не то четыреста, не то пятьсот тысяч вдохновенных пророков, рассеянных по другим странам. Хотя эти пророки придерживаются разнообразных воззрений, но живут они, разумеется, за счет народа. Они именем божьим возвещают, что мой повелитель может своими ключами отомкнуть и замкнуть все замки, особенно же замки денежных сундуков. Некий нормандский священник [\[59\]](#), состоящий духовником при вышеупомянутом кельтском короле, убедил

того, что он должен беспрекословно повиноваться ста одному велению моего владыки, ибо, да будет вам известно, одна из привилегий Старца семи холмов состоит в том, что он всегда прав, – и тогда, когда он соблаговолит что-нибудь сказать, и тогда, когда он соблаговолит что-нибудь написать.

– Ей-богу, это необычайный человек! – сказал Амазан. – Мне очень любопытно было бы пообедать с ним.

– Ваша светлость, будь вы даже царем, все равно он не посадил бы вас за один стол с собой. Самое большее, что он мог бы сделать для вас, это приказать накрыть для вас стол возле его стола, только поменьше и пониже. Но если вы желаете удостоиться чести говорить с ним, я выхлопочу вам аудиенцию, но, конечно, за buona mancia [\[60\]](#), который вы соблаговолите поднести мне.

– Охотно, – ответил Амазан.

Человек в фиолетовом поклонился.

– Я представлю вас завтра Старцу семи холмов, – сказал он. – Вы должны будете трижды преклонить перед ним колена и облобызать ему ноги.

При этих словах Амазан разразился оглушительным хохотом. Он вышел, держась за бока, хохотал до самой гостиницы, да и там долго еще продолжал смеяться.

Во время обеда к нему явились двадцать безбородых мужчин и двадцать скрипачей и дали концерт; потом до вечера за ним ухаживали самые знатные вельможи города. Они делали ему предложения еще более странные, нежели целование ног Старцу семи холмов. Так как Амазан был очень вежлив, он сперва предположил, что эти господа принимают его за женщину, и в самых изысканных выражениях разъяснял им их заблуждение. Но, теснимый чересчур настойчиво несколькими особенно предприимчивыми мужчинами в фиолетовых одеждах, он наконец вышвырнул их из окна, не почувствовав при этом, что приносит хоть какую-то жертву прекрасной Формозанте.

Он поспешил покинуть этот город владык мира, где предлагают целовать старца в ногу, словно у него на ноге щека, и где к молодым людям пристают с еще более странными предложениями.

Переезжая из края в край, равнодушный ко всяческим заигрываниям, неколебимо верный вавилонской Царевне, исполненный гнева на египетского фараона, Амазан – этот образец постоянства – прибыл наконец в новую столицу галлов [61]. Этот город, как и множество других городов, пережил все стадии варварства, невежества, глупости и убожества. Его древнее название означало «грязь и навоз» [62], затем ему дали имя в честь Изиды, культ которой дошел и до него [63]. Первый сенат состоял из лодочников [64]. Город долгое время был поработен героями-хищниками семи холмов, а спустя несколько столетий другие герои-грабители [65], прибывшие с противоположного берега Рейна, снова завладели его небольшой территорией.

Все изменяющее время разделило этот город на две половины: одну – очень внушительную и привлекательную, и другую – грубоватую и безвкусную. Каждая была как бы олицетворением своего населения. В городе жило по крайней мере сто тысяч человек, у которых не было иных занятий, кроме развлечений и веселья. Эти праздные люди выносили приговоры творениям искусства, хотя создавали их другие. Они ничего не знали о том, что происходит при дворе, – казалось, он находится не в четырех, а в шестистах милях от них. Беззаботное, легкомысленное времяпрепровождение в приятном обществе было их самым важным, их единственным занятием. Ими управляли, словно детьми, которым дарят игрушки, лишь бы они не капризничали. Когда им рассказывали о бедствиях, опустошавших их родину два века назад, о тех страшных временах, когда одна половина населения уничтожала другую из-за пустых мудрствований [66], они соглашались, что это действительно очень нехорошо, но затем снова принимались смеяться и петь куплеты.

Чем любезнее, обходительнее и приятнее были эти праздные люди, тем резче выступало различие между ними и людьми, занятыми делом.

Среди этих занятых, или делающих занятой вид, людей была кучка мрачных фанатиков, частью глупцов, частью плутов, одна внешность которых наводила уныние на весь мир; будь на то их воля, они, не задумываясь, перевернули бы его вверх ногами, только бы добиться хоть небольшого влияния. Но люди праздные, приплясывая и распевая, принуждали их скрываться в пещерах [67], подобно тому как птицы

принуждают прятаться в развалины серых сов.

Другие занятые люди [68], менее многочисленные, выступали в роли хранителей древних варварских обычаев, против которых громко вопияла человеческая природа; руководились они при этом лишь своими истлевшими летописями. К любому отвратительному и бессмысленному обычаю, описанному там, они относились словно к священному закону. Вот из-за их гнусного нежелания мыслить самостоятельно и привычки черпать свои воззрения в тех стародавних временах, когда вообще не умели мыслить, в этом городе развлечений еще сохранились жестокие нравы. Именно в силу этого там не существовало никакого соответствия между преступлением и наказанием. Бывало, у невинного человека мучительными пытками вырывали признание в том, чего он не совершал. Легкий проступок какого-нибудь юноши [69] карали столь же строго, как отравление или отцеубийство. Праздные люди начинали тогда громко протестовать, но назавтра все забывали и снова принимались болтать о последних модах.

Этот народ был свидетелем того, как за одно столетие изящные искусства поднялись на такую высоту совершенства, о какой прежде и не мечтали. В ту пору иностранцы приезжали в этот город, как в Вавилон, восхищаться великолепными памятниками архитектуры, волшебными садами, чудесными творениями скульптуры и живописи. Их очаровывала музыка, проникавшая в душу, не утомляя слуха.

Истинная поэзия, то есть поэзия естественная и гармоничная, столько же говорящая сердцу, сколько и уму, стала в этот счастливый век доступна народу. Новые образцы красноречия явились во всей своей величавой красоте. Особенно прославились в ту пору театры, где шли пьесы настолько совершенные, что ни одному народу не удалось создать произведений, подобных им. Наконец чувство изящного стало свойственно людям всех сословий, так что даже среди друидов появились хорошие писатели.

Но эти лавры, чьи главы возносились до небес, засохли вскоре на истощенной земле. Их осталось ничтожно мало – чахлых и увядающих. Упадок вызван был тем, что все научились писать бойко, и уже никто не старался писать хорошо, а также пресыщенностью прекрасным и влечением к извращенному. Тщеславные глупцы лелеяли художников, возвращавших искусство вспять, ко временам варварства, и эти же тщеславцы, преследуя истинные таланты, вынуждали их покидать родину. Трутни изгоняли пчел.

Почти исчезли подлинные искусства, почти исчез гений. Заслужено считалось умение толковать вкривь и вкось о заслугах былого века. Пачкун кабацких стен с видом знатока критиковал полотна великих мастеров. Пачкуны бумаги искажали произведения великих писателей. Невежество и дурной вкус имели в услужении других пачкунов. Под различными заглавиями, в ста томах, повторялось одно и то же. Либо словарь, либо брошюра – иного выбора не было. Некий газетчик-друид [70] дважды в неделю туманно писал о деяниях неведомых народу фанатиков и о небесных чудесах, будто бы совершаемых на чердаках оборванными нищими и нищенками. Отставные друиды [71] в черных одеждах, умирающие от голода и злости, в сотнях статей сетовали на то, что им больше не позволяют обманывать людей и что это право предоставлено зловонным отщепенцам в серых одеждах [72]. Несколько архидруидов сочиняли гнусные пасквили [73].

Амазан ничего этого не знал, а если бы и знал, то не стал бы этим интересоваться, так как всецело был поглощен мыслью о вавилонской царевне, египетском фараоне и своей нерушимой клятве не поддаваться женским чарам, в какую бы страну ни направило горе его стопы.

Легкомысленные и невежественные зеваки, в высшей степени обладающие тем любопытством, которое всегда было присуще роду человеческому, непрерывно топтались вокруг единорогов. Женщины, как существа более здравомыслящие, ломались в дом, где остановился Амазан, стремясь лицезреть его самого.

Сначала он выразил своему хозяину желание отправиться ко двору, но праздные люди из светского общества, с которыми его свел случай, разъяснили ему, что теперь это не в моде, что времена изменились и что весело провести время можно только в городе.

В тот же вечер Амазан был приглашен на ужин к одной даме [74], прославленной умом и талантами за пределами своей отчизны и побывавшей в нескольких странах, где побывал и Амазан. Эта дама и собравшееся у нее общество очень понравились Амазану. Непринужденность здесь была пристойной, веселье не слишком шумным, ученость нисколько не отталкивающей, остроумие отнюдь не злым; он убедился, что слова «хорошее общество» не пустой звук, хотя определением этим часто злоупотребляют. На следующий день он обедал в обществе не менее приятном, но менее почтенном. Чем больше были ему по душе сотрапезники, тем больше нравился им он; Амазан почувствовал, как сердце его смягчается и тает, подобно тому как благовония его родной

страны медленно тают на легком огне, распространяя сладостное благоухание.

После обеда его повели на очаровательный спектакль, осужденный друидами, потому что он отбивал у них тех зрителей, которыми они особенно дорожили. Спектакль этот являл сочетание приятных стихов, звучных песен, танцев, воплощающих движения души, и очаровательных, создающих полную иллюзию, декораций. Это зрелище, в котором соединились столь разнообразные виды искусства, называлось чужеземным словом «опера», что когда-то на языке семи холмов означало: труд, забота, занятие, промысел, предприятие, работа, дело.

Это дело очаровало Амазана. Особенно сильное впечатление произвела на него своим мелодичным голосом и грациозными движениями одна девушка. После спектакля эта так называемая «лицедейка» была представлена ему новыми друзьями. Он поднес ей горсть алмазов. Она была так признательна ему, что не покидала его весь остаток дня. Он ужинал с ней и за ужином забыл свою умеренность, а после ужина забыл и свою клятву оставаться неизменно бесчувственным к красоте и равнодушным к нежным заигрываниям. Какой пример человеческой слабости!

В это время приехала прекрасная царевна вавилонская с Фениксом, служанкой Ирлой и двумя сотнями гангаридских воинов на единорогах. Им пришлось довольно долго ждать, пока не открыли ворота. Прежде всего царевна осведомилась, все ли еще живет в этом городе самый прекрасный, самый храбрый, самый умный и самый верный человек на свете. Городские власти сразу же догадались, что она имеет в виду Амазана.

Формозанта потребовала, чтобы ее отвели к нему. Она вошла с трепещущим от любви сердцем, вся душа ее была исполнена невыразимым счастьем: наконец-то она вновь увидит в образе своего возлюбленного воплощение верности. Формозанта беспрепятственно вошла в его спальню. Полог был отдернут. Она увидела прекрасного Амазана, Спящего в объятиях хорошенькой смуглянки: они оба сильно нуждались в отдыхе.

Царевна испустила горестный вопль, который разнесся по всему дому, но не разбудил ни ее кузена, ни лицедейку. Формозанта потеряла сознание и упала на руки Ирлы. Едва очнувшись, она с болью и гневом в душе немедленно покинула эту роковую комнату. Ирла бросилась разузнавать, кто такая эта молодая особа, проводившая в обществе прекрасного Амазана столь сладостные часы. Ей сообщили, что она – лицедейка, очень услужливая и, наряду с другими талантами, обладающая к тому же талантом довольно приятно петь.

– О, праведное небо! О, всесильный Оромазд! – воскликнула, обливаясь слезами, прекрасная царица вавилонская. – Он изменил мне, и ради кого! Тот, кто, храня мне верность, отклонял благосклонность высокородных дам, теперь бросил меня ради какой-то галльской комедиантки! Нет, такого позора я не переживу!

– Ваше высочество, – сказала Ирла, – молодые люди одинаковы на всем земном шаре. Будь они влюблены хоть в богиню красоты – бывают мгновения, когда они способны изменить ей с любой трактирной служанкой.

– Все кончено! – воскликнула царица. – Больше я с ним никогда не увижусь. Прочь отсюда, пусть запрягают моих единорогов.

Феникс заклинал ее повременить, дожидаться хотя бы пробуждения Амазана, чтобы он мог поговорить с ним.

– Он этого не заслуживает, – ответила царица. – К тому же это было бы слишком оскорбительно для меня, – Амазан может подумать, что я просила вас упрекнуть его, что ищу примирения с ним. Если вы меня любите, не присоединяйте этой обиды к той, которую нанес мне он.

Феникс был обязан вавилонской царице жизнью, и ему только и оставалось, что повиноваться.

Она уехала со всей своей свитой.

– Куда же мы теперь направимся, ваше высочество? – спросила Ирла.

– Не знаю, – ответила царица. – Едемте куда глаза глядят, только бы мне навеки скрыться от Амазана, – это все, чего я хочу.

Феникс, будучи более рассудительным, чем Формозанта, ибо он не был одержим страстью, утешал ее в пути. Он ласково доказывал ей, что прискорбно карать себя за ошибки другого; что Амазан показал многочисленные и поразительные примеры верности ей, поэтому следует простить ему его минутное увлечение; что он праведник, на мгновение обойденный благодатью Оромазда; что отныне он будет еще постояннее в любви и добродетели; что стремление искупить свою вину заставит его превзойти самого себя, поэтому она узнает с ним теперь еще большее счастье; что многие прославленные и высокородные дамы до нее прощали подобные прегрешения и потом об этом не жалели. Феникс приводил ей всевозможные примеры, а так как он владел могучим даром убеждения, то сердце Формозанты постепенно смягчилось и успокоилось. Теперь она сожалела, что уехала так поспешно. Она находила, что ее единороги мчатся слишком быстро, но не смела вернуться. Колеблясь между желанием простить и стремлением выказать свой гнев, между любовью и тщеславием, она не останавливала единорогов и продолжала

странствование, как предсказал оракул.

Амазан, проснувшись, узнает о прибытии и отъезде Формозанты и Феникса, об отчаянии и ярости царевны. Ему говорят, что она поклялась никогда не прощать его вины.

– Мне остается только одно, – вскричал он, – следовать за ней и лишиться себя жизни у ее ног!

Праздные люди – его светские друзья, – услышав о происшествии, сбежались и стали доказывать ему, что гораздо разумнее остаться с ними; что их жизнь, посвященная искусствам и полная спокойной и сладостной неги, несравненно приятна; что множество чужеземцев, даже царей, предпочли отчизне и трону это мирное и пленительное существование, украшенное столь радующими душу занятиями; что, кроме того, экипаж его сломан и каретник ладит для него другой, в новом вкусе... что лучшие портные города уже скроили ему дюжину костюмов по самой последней моде... что самые остроумные и очаровательные дамы, в чьих домах представляют такие прелестные комедии, заняли каждая свой приемный день празднеством в его честь. А тем временем лицедейка, сидя за туалетным столом, пила шоколад, смеялась, пела и поддразнивала прекрасного Амазана, который в конце концов убедился, что она глупее гусыни.

Так как характер этого замечательного царевича отличали не только великодушие и мужество, но и сердечность, искренность, прямота, он рассказал друзьям и о своих путешествиях, и о своих несчастьях. Они узнали, что он был троюродным братом царевны, и не остались в неизвестности насчет поцелуя, который она подарила египетскому фараону.

– Родные должны прощать друг другу подобного рода шалости, – утверждали они, – иначе вся жизнь уйдет на нескончаемые раздоры.

Ничто не могло поколебать его решения следовать за Формозантой. Но так как экипаж еще не был готов, Амазану пришлось три дня провести в обществе своих праздных друзей, веселясь и развлекаясь. Наконец он распрощался с ними, обнял их и заставил принять в подарок наискуснейшим образом оправленные алмазы своей страны; при этом он посоветовал друзьям всегда оставаться легкомысленными и беспечными, ибо это украшает их характер и дарует им счастье.

– Немцы, – говорил он, – это старцы Европы, жители Альбиона – зрелые мужи, а обитатели Галлии – дети, и я люблю играть с ними.

Его проводники без труда следовали за царевной; всюду только и говорили о ней и о ее огромной птице, жители были охвачены восторженным энтузиазмом. Впоследствии народы Далмации и округа Анконы были куда менее приятно изумлены, когда увидели дом, летающий по воздуху [75]. На берегах Луары, Дордони, Гаронны и Жиронды еще не отзвучали ликующие возгласы.

Когда Амазан достиг подножия Пиренеев, чиновники и друиды страны принудили его полюбоваться на танцы с тамбурином, но едва он перевалил Пиренеи, не стало ни веселья, ни забав. Если порой до него и доносились песни, то они всегда были печальны. Жители ходили степенно, носили четки и кинжалы на поясах. Народ одет был в черное, словно в траур. Если слуги Амазана спрашивали о чем-нибудь прохожих, те отвечали знаками. Если входили в гостиницу, хозяин в трех словах объяснял им, что в доме пусто и самое необходимое можно раздобыть лишь в нескольких милях отсюда.

Когда этих молчальников спрашивали, не видели ли они прекрасной вавилонской царевны, они отвечали с меньшей лаконичностью:

– Да, видели, но она вовсе не так уж хороша. Прекрасны лишь смуглые женщины; она же выставляет напоказ белую, как алебастр, грудь, а это самая противная вещь на свете и в наших краях почти не встречается.

Амазан приближался к провинции, орошаемой Бетисом. Прошло не более двенадцати тысяч лет с той поры, как эта страна была открыта жителями Тира, почти одновременно с открытием огромного острова Атлантиды, затонувшего несколько веков спустя. Жители Тира обработали землю Бетики, которую туземцы оставили невозделанной, ибо считали, что им не пристало копаться в земле и что для таких работ существуют галлы, – пусть приходят и занимаются этим делом.

Жители Тира привели с собой палестинцев, которые с той поры расселились по всем странам, где только можно нажитья. Эти палестинцы, ссужая в рост из пятидесяти на сто, сосредоточили в своих руках почти все богатства страны. Тогда жители Бетики решили, что палестинцы – колдуны; те, кого обвинили в колдовстве, были безжалостно сожжены бандой друидов, именуемых «разыскателями» или «антропокайями» [76]. Сии священнослужители сперва облачали приговоренных в маскарадные одеяния и присваивали их имущество, а потом набожно читали молитвы

этих самых палестинцев, сжигая их на медленном огне *per l'amor de Dios* [77].

Формозанта приехала в город, который впоследствии назвали Севильей. Она предполагала по рекам Бетису [78] и Тиру вернуться в Вавилон, к своему отцу, и либо забыть, если хватит сил, коварного возлюбленного, либо стать его супругой. Царевна призвала к себе двух палестинцев, занимавшихся всеми делами при дворе. Они должны были снарядить для нее три корабля. Феникс обо всем договорился с ними и, немного поторговавшись, условился о цене.

Хозяйка гостиницы отличалась набожностью, а ее муж, тоже очень набожный, был у друидов-разыскателей-антропокайев «своим человеком», иначе говоря – шпионом; он не замедлил донести, что у него в доме находится сейчас колдунья и два палестинца, заключающие договор с дьяволом, который воплотился в огромную золоченую птицу. Разыскатели, пронюхав, что у дамы много алмазов, сразу же признали ее колдуньей. Будучи весьма трусливы, они сперва дождались ночи и заперли обширные конюшни, где спали единороги и двести воинов. Основательно забаррикадив все выходы, они схватили царевну и Ирлу, но им не удалось поймать Феникса, улетевшего с быстротой стрелы: он был уверен, что по дороге из Галлии в Севилью встретит Амазана.

И действительно, он встретил его на границе Бетики [79] и поведал ему о несчастье, постигшем царевну. Амазан слова не мог вымолвить, так он был взволнован и разъярен. Надев стальные латы с золотой насечкой, взяв пику длиной в двенадцать футов, два дротика и острый меч, прозванный «Грозным», который одним ударом рассекал деревья, скалы и друидов, он увенчал свою прекрасную голову золотым шлемом, украшенным перьями цапли и страуса. То были древние доспехи Магога [80], подаренные ему его сестрой Алдеей во время пребывания в Скифии. Немногочисленные приближенные, сопровождавшие его, сели, как и он, на единорогов.

Целуя своего дорогого Феникса, Амазан печально сказал ему:

– Это моя вина. Если бы я не переночевал с лицедейкой в городе праздных людей, прекрасная царевна вавилонская не оказалась бы в столь ужасном положении. Идем на антропокайев.

И вот он уже в Севилье. Полторы тысячи альгвасилов охраняют входы в конюшни, где заключены, лишенные пищи, двести гангаридов и их единороги. Все уже приготовлено для священнодействия, во время которого должны быть принесены в жертву Формозанта, ее служанка Ирла и два богатых палестинца.

Великий Антропокай, окруженный младшими антропокайями, восседал в своем священном судилище. Жители Севильи, с висящими на поясе четками, безмолвно стояли поодаль, молитвенно сложив руки. И вот приведи прекрасную царевну, Ирлу и двух палестинцев со скрученными за спиною руками и облаченных в маскарадные одеяния.

Феникс влетел через слуховое окно в темницу, где запертые гангариды уже начали взламывать двери. Непобедимый Амазан помогал им снаружи. Они вырываются на волю, вооруженные, верхом на своих единорогах. Амазан становится во главе отряда. Он без труда побеждает альгвасилов и священнослужителей-антропокайев; каждый единорог сразу пронзает целую дюжину, а грозный меч Амазана рассекает надвое всех, попадающихся на пути. Толпа в черных мантиях и грязных брыжах разбегается, не выпуская из рук четок, освященных рог l'amor de Dios!

Амазан стащил с судейского кресла великого разыскателя и бросил его в костер, разложенный шагах в сорока от судилища. Туда же один за другим полетели и малые разыскатели, и тогда Амазан пал к ногам Формозанты.

– О, как вы добры! – воскликнула она. – Как я обожала бы вас, если бы вы не изменили мне с лицедейкой!

Пока он мирился с царевной, пока гангариды бросали в костер антропокайев и языки пламени взвивались к небесам, вдали показалось какое-то войско. Престарелый монарх [\[81\]](#), увенчанный короной, восседал на колеснице, влекомой восьмеркой мулов в веревочной упряжи. Сзади следовало сто других колесниц. Их сопровождали суровые всадники в черных плащах и в брыжах, на великолепных конях. Множество пеших людей с засаленными волосами молча следовали за ними.

Прежде всего Амазан построил вокруг себя своих гангаридов и выступил вперед с копьем наперевес. Но едва лишь король заметил его, как снял корону, сошел с колесницы, поцеловал стремя Амазана и сказал:

– Посланец божий, вы – мститель за род человеческий, освободитель моей отчизны, мой покровитель. Эти проклятые чудовища, от которых вы очистили страну, были, волею Старца семи холмов, моими властителями. Мой народ отринул бы меня, если бы я попытался обуздать их страшную жестокость. Отныне я дышу, я царствую и этим обязан вам.

Затем он почтительно поцеловал руку Формозанты и попросил ее сесть вместе с Ирлой, Амазаном и Фениксом в его колесницу, запряженную восьмью мулами. Придворные банкиры-палестинцы, от страха и признательности еще лежавшие ниц, встали, и воины на единорогах двинулись вслед за королем Бетики в его дворец.

Поскольку достоинство короля этого серьезного народа требовало,

чтобы его мулы везли колесницу медленно, Амазан и Формозанта успели рассказать ему свои злоключения. Король говорил и с Фениксом, любовался им и непрестанно целовал его. Он понял, до какой степени народы Запада, поедавшие животных и утратившие способность понимать их, невежественны, грубы и дики. Только гангариды не утратили первоначальной естественности и человеческого достоинства. Всей душой он соглашался с тем, что из всех смертных наибольшими варварами были разыскатели-антропокайи, от которых Амазан только что освободил человечество. Король не переставал его благодарить и благословлять. Прекрасная Формозанта уже успела забыть случай с лицедейкой и безгранично восхищалась отвагой героя, спасшего ей жизнь. Амазан, который узнал наконец о безгрешности поцелуя, данного египетскому фараону, и о воскрешении Феникса, вкушал чистую радость и был опьянен самой пылкой любовью.

Обедали во дворце, и яства были на редкость невкусные. Повара Бетики были наихудшими во всей Европе. Амазан посоветовал вызвать галльских поваров. Придворный оркестр исполнял во время обеда знаменитую арию, которую в позднейшие века окрестили «Испанским каприччо».

После обеда заговорили о делах. Царь спросил у прекрасного Амазана, прелестной Формозанты и чудесного Феникса, что они намерены предпринять.

– Я предполагаю вернуться в Вавилон, ибо я – законный наследник престола и буду просить у дяди моего Бела руки несравненной Формозанты, моей троюродной сестры, если только она не предпочтет жить со мною у гангаридов.

– Я решила, – сказала царица, – никогда не разлучаться с моим троюродным братом. Но я думаю, что сейчас мне надлежит возвратиться к моему отцу, тем более что он разрешил мне только паломничество в Бассору, а я отправилась странствовать по свету.

– Что касается меня, – сказал Феникс, – я повсюду буду сопровождать этих нежных и великодушных влюбленных.

– И будете в этом совершенно правы, – сказал король Бетики. – Но обратный путь в Вавилон не так легок, как вы полагаете. Мне недавно принесли вести оттуда капитаны тирийских кораблей и палестинские банкиры, которые сносятся со всеми странами мира. На берегах Евфрата и Нила идет война. Царь Скифии, предводительствуя трехсоттысячной армией конников, требует возвращения наследства своей жены. Фараон египетский и царь Индии, каждый во главе трехсоттысячной армии, тоже

опустошают берега Тигра и Евфрата, мстя за нанесенные им обиды. Пока фараон Египта воюет на чужбине, его враг, царь Эфиопии, предводительствуя армией в триста тысяч человек, разоряет Египет. Вавилонский царь располагает для защиты своей страны только шестьюстами тысячами человек. Признаюсь вам, – продолжал король, – когда я слышу об этих многочисленных армиях, которые изрыгает из своего чрева Восток, и об их поразительном великолепии, когда сравниваю их с нашими скромными отрядами в двадцать – тридцать тысяч человек, которых так трудно прокормить и одеть, я начинаю думать, что Восток возник значительно раньше Запада. Мы словно лишь позавчера родились из хаоса и только вчера покончили с варварством.

– Ваше величество, – заметил Амазан, – порой случается, что явившийся последним одерживает верх над тем, кто первым вступил на жизненное поприще. В моей стране полагают, что колыбель человечества – Индия, ко я в этом не уверен.

– А вы, – обратился король Бетики к Фениксу, – что вы об этом думаете?

– Государь, – ответил Феникс, – я еще слишком молод, чтобы досконально знать древнюю историю. Я прожил около двадцати семи тысяч лет; но мой отец, проживший в пять раз больше, говорил мне, что слышал от своего отца, будто страны Востока всегда были богаче и гуще заселены, чем прочие страны. Он слышал от своих предков, что все животные возникли некогда на берегах Ганга, но я не столь тщеславен, чтобы разделять эту точку зрения. Мне трудно поверить, что альбионские лисицы, альпийские сурки, галльские волки – все родом из моей страны, как не верю и тому, что дубы и ели вашей родины происходят от кокосовых пальм Индии.

– Но откуда же все-таки происходим мы? – спросил король.

– Этого я не знаю, – ответил Феникс. – Мне хотелось бы знать только одно: куда сейчас следует отправиться прекрасной царевне вавилонской и моему дороговому Амазану?

– Сильно сомневаюсь, – продолжал король, – чтобы со своими двумя сотнями единорогов он смог пробиться сквозь такое множество армий по триста тысяч воинов каждая.

– А почему бы и нет? – возразил Амазан.

Король Бетики оценил величие слов: «А почему бы и нет?» – но он полагал, что для победы над бесчисленной ратью врагов одного величия недостаточно.

– Я советую вам, – сказал он, – попытаться заключить союз с царем

Эфиопии. Я поддерживаю сношения с этим чернокожим владыкой через моих палестинцев. Я передам с вами послание к нему. Он враг фараона и будет очень счастлив увеличить свои силы союзом с вами. Я также могу дать вам подкрепление в две тысячи воинов, непьющих и храбрых. Если захотите, вы сможете нанять еще столько же среди племен, обитающих, или, точнее, карабкающихся по отрогам Пиренеев. Их называют басками или гасконцами. Отправьте туда одного из ваших воинов верхом на единороге и дайте ему с собой несколько алмазов. Любой гасконец покинет замок, вернее, хижину своего отца ради службы у вас. Они неутомимы, отважны и веселы. Вы будете очень довольны ими. В ожидании их приезда мы устроим в вашу честь празднества и оснастим корабли. Я навсегда останусь у вас в долгу за вашу услугу.

Амазан радовался, что вновь обрел Формозанту, и, беседуя с ней, мирно наслаждался всеми чарами заново упроченной любви, которые почти столь же пленительны, как чары любви зарождающейся.

Вскоре появился отряд веселых и гордых гасконцев, приплясывавших под звуки тамбурина. Другой отряд – суровых и гордых бегиканцев – был уже наготове. Старый смуглый царь нежно обнял обоих влюбленных. Он повелел нагрузить их корабли оружием, постелями, шахматами, черными мантиями, брыжами, луком, баранами, курами, мукой, большим запасом чеснока и пожелал им счастливого плавания, вечной любви и сраженных врагов.

Флот причалил к берегу там, где, как утверждают, спустя столетия, покинув город Тир, финикийка Дидона [\[82\]](#), сестра Пигмалиона, супруга Сихея, основала великолепный город Карфаген, разрезав на узенькие ремешки воловью шкуру, согласно свидетельству самых великих авторов древности, которые никогда не сочиняли небылиц, и учителей, писавших для маленьких мальчиков, хотя в Тире никто и никогда не звался Пигмалионом, или Дидоной, или Сихеем, то есть именами чисто греческими, и вообще в те времена в Тире не было государя.

Великолепный Карфаген не был еще тогда приморским городом; в тех местах жили только немногочисленные нумидийцы, влявшие рыбу на солнце. Затем путешественники поплыли вдоль Бизацены и берегов обоих Сиртов – плодоносных мест, где впоследствии возникли Кирия и великий Херсонес.

Наконец приплыли к первому устью священного Нила. Здесь, на окраине этой плодородной земли, гавань Каноп принимала уже тогда суда всех торговых народов, хотя никто не знал, бог ли Каноп основал этот город или жители Каноп выдумали бога, дала ли звезда Каноп свое имя

городу или город дал свое имя звезде. Знали только, что и город и звезда очень древнего происхождения; и это все, что вообще можно знать о происхождении вещей, каковы бы они ни были.

Именно там царь Эфиопии, который только что опустошил весь Египет, увидел причалившие корабли непобедимого Амазана и очаровательной Формозанты. Его он принял за бога войны, ее – за богиню красоты. Амазан предъявил ему грамоты испанского короля. Царь Эфиопии, согласно обычаям того героического времени, устроил прежде всего великолепные празднества. Затем стал обсуждать, как истребить трехсоттысячную армию царя Индии и трехсоттысячную армию хана скифов, осадивших огромный, надменный, утопающий в Роскоши город Вавилон.

Две тысячи испанцев, которых Амазан привел с собой, заявили, что для спасения Вавилона им не нужен эфиопский царь, что достаточно приказа их короля освободить город – и они справятся с этим сами.

Гасконцы заявили, что они участвовали и не в таких сражениях, что победят египтян, индусов и скифов и без посторонней помощи, что согласны выступить в поход вместе с испанцами только при условии, если те пойдут в арьергарде.

Двести гангаридов смеялись над самоуверенностью своих союзников, уверяя, что с сотней единорогов они обратят в бегство всех владык мира.

Прекрасная Формозанта благоразумными и умягчающими душу словами примирила спорщиков. Амазан представил чернокожему монарху своих гангаридов, единорогов, испанцев, гасконцев и чудесную птицу.

Вскоре все было готово, и войско выступило в поход через Мемфис, Гелиополис, Арсиною, Петру, через Артемиту, Сору и Апантё полное решимости атаковать трех царей и начать ту достопамятную войну, по сравнению с которой все последующие войны были лишь петушиными или перепелиными боями.

Все знают, как царь Эфиопии влюбился в прекрасную Формозанту и как застал ее врасплох на ложе, когда сладостный сон смежил ей вежды. Все помнят, что Амазану – свидетелю этой сцены, показалось, будто день и ночь почивают вместе. Известно также, что Амазан, возмущенный столь оскорбительным поступком, тут же выхватил свой грозный меч и мгновенно отсек наглому чернокожему его распутную голову, а потом изгнал из Египта всех эфиопов. Разве эти подвиги не запечатлены в хрониках Египта? Стоустая молва возвестила миру о победах, одержанных им над тремя царями с помощью испанцев, гасконцев и единорогов. Он вернул прекрасную Формозанту отцу и освободил всех приближенных

своей возлюбленной, которых фараон египетский обратил в рабство. Великий хан скифов объявил себя вассалом Амазана, и тогда его брак с царевной Алдеей был узаконен. Непобедимый и великодушный Амазан, признанный наследником престола, победоносно вступил вместе с Фениксом в город Вавилон, приветствуемый сотней царей, его данников.

Свадебное торжество превзошло все празднества, какие когда-либо устраивал царь Бел. К столу подали зажаренного быка Аписа, фараон египетский и король Индии подавали новобрачным вино, и эта свадьба была воспета пятьюстами великими поэтами Вавилона.

О музы, к вам всегда обращаются, начиная какой-либо труд, я же взываю к вам, лишь кончая его. Пусть не упрекают меня в том, что я творю благодарственную молитву после обеда, не сотворив предобеденной. Музы, вы все же не лишите меня своего покровительства! Не позволяйте дерзновенным поддельвателям ^[83] исказить своими баснями истины, которые я поведал смертным в этом правдивом рассказе, подобно тому как они осмелились исказить «Кандида», «Простодушного» и целомудренные похождения целомудренной Жанны, которые некий бывший капуцин изуродовал в батавских изданиях ^[84] стихами, достойными капуцина. Да не причинят они такого ущерба моему издателю, обремененному многочисленной семьей, у которого едва хватает средств на шрифт, бумагу и чернила.

О музы, заставьте умолкнуть мерзейшего Коже ^[85], профессора болтологии в коллеже Мазарини, который остался недоволен рассуждениями о нравственности Велизария и императора Юстиниана и дерзнул написать клеветнические пасквили на этих великих мужей.

Заткните кляпом рот педанта Ларше ^[86], который, не зная ни слова по-древнеавилонски, не объехав, подобно мне, берегов Евфрата и Тигра, имел бесстыдство утверждать, будто прекрасная Формозанта, дочь могущественнейшего в мире царя, и царевна Алдея, и все женщины этого уважаемого двора делили за деньги ложе со всеми конюхами Азии в великом вавилонском храме, согласно своим религиозным убеждениям. Этот ученый распутник – ваш враг и враг целомудрия – обвиняет прекрасных мендесских египтянок в том, что они любили только козлов, и поэтому втайне намеревается предпринять поездку в Египет, дабы там вдоволь поразвлечься.

Так как современность столь же мало известна ему, как и старина, он, надеясь заслужить благосклонность какой-нибудь старухи, намекает, будто

наша несравненная Нинон ^[87] в возрасте восьмидесяти лет спала с аббатом Жедуэном ^[88], членом Французской Академии, а также Академии истории и археологии. Он никогда не слышал об аббате де Шатонеф ^[89], которого путает с аббатом Жедуэном, и столь же мало знает о Нинон, сколь и о девах Вавилона.

Музы, дочери неба, ваш враг Ларше поступает и того хуже. Он восхваляет мужеложство. Он осмеливается утверждать, будто все отроки моей родины причастны к этой мерзости. Он надеется спасти себя, увеличив число виновных.

Благородные и непорочные музы, вы, равно ненавидящие как педантизм, так и мужеложство, защитите меня от мэтра Ларше!

Вам, мэтр Алиборон, по прозванию Фрерон, отставной иезуит, вам, чей Парнас помещается то в Бисетре ^[90], то в захудалом кабаке; вам, которому так много воздавали по заслугам на всех европейских сценах за благопристойную комедию «Шотландка» ^[91]; вам, достойному сыну отца Дефонтена, рожденному от его любовной связи с одним из тех красивых мальчиков ^[92], которые, подобно сыну Венеры, не разлучаются с жезлом и повязкой и, подобно ему, взлетают к небесам, но не выше дымовой трубы ^[93], – вам, мой дорогой Алиборон, всегда внушавший мне великую нежность и заставлявший меня смеяться месяц подряд, когда шла эта самая «Шотландка», вам поручаю я мою «Царевну Вавилонскую». Наговорите о ней побольше дурного, чтобы ее побольше читали.

Не забуду я помянуть и вас, писака-богослов ^[94], знаменитый оратор конвульсионеров, отец церкви, основанной аббатом Бешераном ^[95] и Авраамом Шомеем ^[96]. Не премините написать в ваших листках, столь же благочестивых, сколь красноречивых и разумных, что «Царевна Вавилонская» еретична, деистична и атеистична. Особенно же постарайтесь убедить почтенного Рибалье ^[97] в том, что он должен от имени Сорбонны осудить «Царевну Вавилонскую». Вы доставите этим огромное удовольствие моему издателю, которому я преподнес эту историю в качестве новогоднего подарка.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

La Princesse de Babylone

Повесть была написана в конце 1767 г. или в начале 1768 г. и в конце марта 1768 г. напечатана братьями Крамерами в Женеве, но без указания имени автора и места издания. Затем переиздавалась Вольтером несколько раз почти без какой бы то ни было правки текста.

1

Бел – имя верховного божества у древних ассирийцев.

Висячие сады Семирамиды – одно из «чудес света» древности; сооружены для царицы Вавилона Семирамиды.

Формозанта – имя, образованное от латинского Formosa – красивая.

Пракситель (IV в. до и. в.) – древнегреческий скульптор. Одной из лучших его работ была статуя Афродиты Книдской.

Венера Прекраснозая. – Имеется в виду Венера Каллипига, античная статуя, созданная в эпоху эллинизма и хранящаяся в неаполитанском музее. Представляет собой подражание статуе Праксителя.

Нимврод (или Немврод) – вавилонский царь, упоминаемый в Библии; изображается в виде прекрасного охотника.

Дербент – город в Закавказье.

Систр – древнеегипетский музыкальный инструмент.

Изида – одна из важнейших богинь древних египтян, божество плодородия, материнства и здоровья.

Согласно буддийской традиции, «Веды», собрание древнеиндийских религиозных гимнов, приписывались Ксаки (искаженное Шакья-Муни, одно из имен Будды).

Озирис – бог умирающей и возрождающейся природы, брат и супруг Изиды (древнеегипет. миф.).

Антиливан – горная цепь в Сирии.

Ясенец – лекарственное растение.

Богиня Юнона, супруга Юпитера, изображалась обычно на колеснице, влекомой павлинами.

Смотри главу 9 Бытия и главу 3 «Екклесиаста».

Локман. – Арабский перевод басен Эзопа приписывался легендарному властителю Аравии Локману.

Елена в юности была похищена Тесеем, а затем (уже после ее брака с Менелаем) – Парисом, что привело к Троянской войне (греч. миф.).

Речь идет о боге сладострастия Приапе.

Елисейские поля – блаженная страна, царство счастливой загробной жизни.

Сады Гесперид, сады на островах Счастья... – Нимфы Геспериды охраняли золотые яблоки, растущие в чудесном саду (греч. миф.). Острова Счастья – Канарские острова, по представлениям древних – край земли.

Вольтер имеет в виду китайского императора Юнчжэна из Цинской династии, правившего с 1723 по 1735 г.

Речь идет об иезуитах, пытавшихся утвердиться в Китае. Их изгнание отсюда относится к 1724 г.

...покинут Тянь и Шанди... – то есть Небом и Верховным небесным владыкой.

Киммерийцы – народ, населявший, по древним преданиям, северное побережье Черного моря (в частности Крым); около VIII в. до и. в. они были вытеснены скифами. Под империей киммерийцев Вольтер подразумевает Россию.

Екатерина II, которую, как видно из последующего повествования, Вольтер всячески идеализирует.

Во время одного из путешествий по России Екатерина писала Вольтеру (29 мая 1767 г.): «Вот я и в Азии; я хочу увидеть это собственными глазами».

Вольтер имеет в виду Ивана Ивановича Шувалова (1727 – 1797), первого куратора Московского университета. В 1757 г. он вступил в переписку с Вольтером, посылая ему материалы для «Истории Российской империи при Петре Великом», а в 1773 г. гостил у писателя в Фернэ.

Церера – богиня земледелия и плодородия у древних римлян; греки называли ее Деметрой.

Екатерина II навязывала Польше в качестве короля Станислава Понятовского; она добивалась уравнивания в правах православных и католиков.

Имеется в виду Швеция, где королевская власть вынуждена была во времена Вольтера временно уступить в борьбе с парламентом.

То есть в Дании, где была провозглашена абсолютная власть монарха.

То есть будущий шведский король Густав III, который, будучи наследным принцем, изображал из себя сторонника просвещенной монархии, но, придя к власти (в 1771 г.), не ограничил абсолютизма; тем не менее он был убит в результате аристократического заговора (1792).

Речь идет о Польше, где в это время правил Станислав Понятовский, находившийся в переписке с Вольтером.

То есть в монастырях.

Батавия – Вольтер имеет в виду Голландию.

Рей Марк-Мишель – издатель из Амстердама, напечатавший немало антиклерикальных сочинений, в том числе книги Вольтера.

То есть в Италии и Франции.

«Удачливая крестьянка» – роман французского писателя шевалье де Муи (псевдоним Шарля де Фьё; 1701 – 1784), написанный в 1735 г. как параллель роману Мариво «Удачливый крестьянин» (1734 – 1735).

«Софа» – сатирический роман Кребийона-сына, напечатанный в 1745 г. В этом романе немало фривольных эпизодов.

«Четыре Факардена» – роман Антуана Гамильтона. В парижском пиратском издании «Царевны Вавилонской» вместо книги Гамильтона был упомянут «Кандид» Вольтера.

Древнегреческие философы Пифагор (VI – V вв. до и. э.), Порфирий (ок. 232 – 304) и Ямвлих (ок. 283 – ок. 333) были сторонниками и пропагандистами вегетарианства.

Витенагемот – совет старейшин у древних саксов.

Вольтер имеет в виду римлян, завоевавших Британию.

Имеется в виду английский король Иоанн Безземельный (1199 – 1216), признавший в 1213 г. вассальную зависимость Англии и Ирландии от папского Рима.

«Старец семи холмов» – то есть папа римский (как известно, Рим построен на семи холмах).

Намек на казнь английского короля Карла I в 1649 г. во время революции.

Вольтер имеет в виду массовые казни сторонников претендента на английский престол Карла-Эдуарда Стюарта (1720 – 1788).

Английская буржуазная революция была облечена в форму религиозной борьбы пуритан против господствующей англиканской церкви. Пуритане носили черную одежду, англиканское духовенство – белую.

То есть партии консерваторов (тори) и либералов (виги).

Далее описывается Венеция.

Вольтер имеет в виду венецианский обычай тех лет ходить по городу в масках.

В римских церквах обычно пели певцы-кастраты.

Граду и миру (лат.).

Красные мантии носили католические кардиналы, а фиолетовые – епископы.

Святой Мартин, какой прелестный юноша! Святой Панкратий, какой прелестный мальчик! (итал.)

Усердствующие – члены церковной конгрегации святого Антония, первоначально занимавшиеся лечением больных.

По церковной легенде, первым римским епископом был апостол Петр, который затем уже передал власть папе. До того, как стать учеником Христа, Петр будто бы был простым рыбаком, а после смерти стал хранителем ключей от Рая.

Речь идет о булле папы Климента XI (1713 г.), осудившей янсенизм, которую он направил королю Людовику XIV.

Имеется в виду иезуит Мишель Ле Теллье (1648 – 1719), последний духовник Людовика XIV.

Щедрый подарок (итал.).

То есть Париж; старой столицей Галлии считался Лион.

Древнее название Парижа – Лютеция; оно восходит к латинскому слову *lutum* (грязь).

Латинское название Парижа (Parisii) некоторые историки по созвучию пытались возвести к имени богини Изиды.

Во времена Тиберия (I в.) артель лодочников воздвигла алтарь в честь Юпитера на месте современного собора Парижской богородицы, что, по преданию, положило начало Парижу.

Имеется в виду германское племя франков, вторгшееся в Галлию в V в.

Намек на религиозные войны во Франции XVI в.

То есть в монастырях.

Речь идет о представителях судейского сословия.

Вольтер имеет в виду шевалье де Ла Барра (1747 – 1766), обвиненного в том, что он демонстративно сломал распятие, и обезглавленного за это 1 июля 1766 г. Этот яркий случай религиозной нетерпимости и фанатизма имел широкий отклик в Европе.

Вольтер пишет здесь о неизвестном издателе выходившей с 1728 г. газеты «Церковные новости».

Иезуиты, изгнанные из Франции в 1764 г.

В сером ходили монахи-ораторианцы, к которым перешли учебные заведения, где ранее преподавали иезуиты.

Вольтер имеет в виду выступления в защиту иезуитов ряда французских архиепископов.

Вольтер имеет в виду Марию-Терезу Жоффрен (1699 – 1777), хозяйку популярного парижского салона, где часто бывали энциклопедисты.

Вольтер имеет в виду популярную церковную легенду о том, что хижина, в которой архангел благовестил деве Марии, была небесным воинством перенесена из Назарета в Далмацию, а затем в Италию, в роццу Лорета под Анконой. Эти события церковное предание относит к 1291 и 1295 гг.

Вольтер имеет в виду инквизиторов, название которых происходит от латинского глагола «разыскивать»; «антропокайи» – буквально «человекожигатели».

Во имя любви к богу (исп.).

Бетис – старое название Гвадалквивира.

Бетика – древнее название испанской провинции Андалузии.

Магог – библейский персонаж, один из сыновей Иофета, третьего сына Ноя (Бытие, X, 2). Его царство якобы находилось приблизительно там, где обитали позже племена скифов.

Престарелый монарх... – Имеется в виду испанский король (с 1759 г.) Карл III (1716 – 1788), изгнавший иезуитов и боровшийся с инквизицией.

Дидона – по мифам, распространенным среди сицилийских греков, сестра тирского царя Пигмалиона, убившего ее мужа, после чего Дидона переселилась в Северную Африку, где основала Карфаген.

Не позволяйте дерзновенным подделывателям... – Вольтер имеет в виду практиковавшийся в XVIII в. обычай выпускать подложные продолжения и окончания пользовавшихся популярностью книг. До 1768 г. появилось по меньшей мере четыре переработки «Кандида». Переделки и продолжения «Простодушного» неизвестны.

Вольтер имеет в виду издание его «Орлеанской девственницы», предпринятое в 1756 г. Жаном-Анри де Гуве, совершенно искажившим обширными добавлениями текст писателя.

Кожэ Франсуа-Мари (1723 – 1780) – французский литератор, выступивший в 1767 г. с памфлетом, направленным против просветительского романа Мармонтеля «Велизарий».

Ларша Пьер-Анри (1726 – 1812) – французский ученый-эллинист, выпустивший в 1767 г. «Добавление к философии истории», где указал на ряд ошибок и неточностей, допущенных Вольтером в его работе «Философия истории» (1765).

Вольтер имеет в виду Нинон де Ланкло (1620 – 1705), славившуюся своим умом и красотой куртизанку, дружившую со многими выдающимися людьми своего времени.

Жедуэн Никола (1667 – 1744) – французский литератор, известный главным образом как переводчик.

Шатонеф Никола (ум. в 1708 г.) – близкий друг Нинон де Ланкло, крестный отец Вольтера.

Бисетр – вначале тюрьма, затем сумасшедший дом.

«Шотландка» – комедия Вольтера (1760); писатель изобразил в ней своего заклятого врага Фрерона, выведя на сцену некоего Флерона (что значит «шершень»), шпиона и доносчика.

Французский литератор Пьер-Франсуа Дефонтен (1685 – 1745) по обвинению в гомосексуализме был заключен в парижскую тюрьму Бисетр; Вольтер во многом содействовал его освобождению (1724). Тем не менее Дефонтен в своем «Обзрении современной литературы» (1735) раскритиковал ряд произведений Вольтера, на что писатель ответил резким и остроумным памфлетом (1736). Дефонтен, в свою очередь, написал не менее резкий памфлет «Вольтеромания» (1738).

Соблазненный Дефонтемом юноша был трубочистом.

Имеется в виду издатель газеты «Церковные новости».

Бешеран – парижский священник, имевший одну ногу короче другой и, надеясь излечиться, ходивший на могилу св. Медарда (см. прим. к о, 107). Был задержан и препровожден в тюрьму Сен-Лазар как конвульсионер (1731 г.).

Шомей Авраам (1730 – 1790) – автор направленной против философов-энциклопедистов восьмитомной работы «Законное предубеждение против Энциклопедии» (1758).

Рибалье – один из влиятельных профессоров теологического факультета Сорбонны; был королевским цензором.